

Зоя Самарская

Удача ждет за поворотом

Книга первая

Позвони мне вчера

Зоя Самарская

Позвони мне вчера

<https://litres.ru/74522078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Персонажи произведения могут употреблять табачные изделия. Данная информация не является пропагандой курения. Курение вредит вашему здоровью.

«Позвони мне вчера» – первая книга серии авантюрно-приключенческих романов «Удача ждет за поворотом».

Один день разделил жизнь Виктории на «до» и «после». Измена мужа приводит к громкому разводу, а следом открывается странное завещание ее покойной матери. Разбирая старые вещи, Виктория находит неотправленное письмо матери к давней подруге с мольбой о срочном звонке. Какую тайну они скрывали? Что зашифровано в завещании? Связав воедино волю матери и загадочные строки из письма, Виктория начинает собственное расследование.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

92

Зоя Самарская

Позвони мне вчера

Март 2002 года¹

В сорок пятой ждали нотариуса. Хозяйка квартиры, одетая в новый фланелевый халат, сидела в кресле, придерживая левой рукой лежавший на коленях альбом с фотографиями. Она переживала, что долго нет нотариуса. Переживала, что не сможет расписаться в завещании: правая рука отнялась после инсульта. Переживала, что стала такой беспомощной и так нелегко приходится дочери.

— Вика, вот это письмо нужно отослать, — старательно выговаривая слова, произнесла она. — Только не забудь марку приклеить.

— Отошлю. Ложись, отдохни немного.

Виктория забрала альбом и помогла матери лечь в постель.

— Мамочка, мне на работу нужно съездить. Позвонили, сказали, что не могут найти ключи от сейфа. Ты не волнуйся. Игорь нотариуса привезет. И соседку позовет, если нужно будет.

Она не стала говорить, что на обратной дороге собирается зайти в соседний дом к Светке, чтобы занять денег. Зарплату опять задержали. На фирме у мужа прибыли пока нет, и на

¹ Все события и действующие лица вымышлены автором.

машину никак не находится покупатель.

Нотариус, миловидная женщина средних лет, вошла в квартиру номер сорок пять. Третий вызов за сегодняшний день. Мужчина, приехавший за ней в нотариальную контору, оказался зятем хозяйки квартиры. И судя по тому, как та ласково обращается к нему, называя сынком, в хороших с ней отношениях. В просторной квартире — чистота и порядок. Хозяйка — в новом фланелевом халате. Приятно, когда к твоему приходу готовятся, как к приходу врача. В общем, все как обычно. Кто завещает все имущество сыну, кто — дочери, кто — племяннику: это личное дело. Главное, чтобы все было правильно оформлено. Не беда, что подписаться хозяйка сама не может — отнялась правая рука после инсульта, — есть свидетель. Хорошо, что участковая медсестра носит с собой паспорт. Все готово. Составленный документ подписан и скреплен печатью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Май 2002 года

— Кому хочется быть больным и бедным? Кому хочется быть тупым углом в любовном треугольнике? Кому хочется быть и тем, и другим, и третьим? — вопрошал с экрана ведущий популярной телепередачи.

Виктория посмотрела на часы и выключила телевизор.

В это солнечное майское утро она абсолютно здорова. У нее есть квартира, есть машина, гараж и дача. Дела на фирме

у мужа пошли неплохо Любовный треугольник? Это из чужой жизни. И нечего голову ломать над такими пустячными вопросами, тем более, что дел хватает. Завтра будет сорок дней, как умерла мать, и год, как погиб в автомобильной аварии отец. Знакомые и соседи придут помянуть родителей. Сегодня нужно убрать в квартире и сходить за продуктами.

Виктория решила начать с продуктов. Перед тем как выйти из квартиры, выглянула в окно и отметила, что собачники разгуливают в куртках с наброшенными капюшонами. Особо не задумываясь, надела свитер, джинсы и джинсовую куртку. Такая одежда была для нее привычной. Так она ходила на работу и в гости к Светке. Последнее время она нигде больше и не бывала. Собрала волосы на затылке, скрепила заколкой. Мимолетно и безразлично скользнула взглядом по зеркалу, висевшему в прихожей, не задерживаясь на изучении своего отражения. Сбегала за тряпкой в ванную и стерла пыль со стекла и с полированной рамы. Потом натянула старенькие кроссовки и направилась в ближайший магазин. Вернулась оттуда с парой огромных пакетов. Рассортировала содержимое. Поставила на плиту кастрюлю с водой. Чтобы не терять времени даром, пока закипает вода, переоделась в старый спортивный костюм и занялась уборкой. Дело это было нелюбимое, но с детства привычное. Виктория передвигалась с пылесосом по знакомой траектории. Вот, наконец, прихожая. Тонкий коврик, как всегда, засосало в насадку, но на этот раз никто не сделал замечание. Вздохнув,

выключила и убрала пылесос в кладовую.

В дверь позвонили. Она подумала, что вернулся Игорь, но за дверью стояла незнакомая девушка. Увидев Викторию, девушка на мгновение замешкалась, но тут же объяснила, что пришла к своей подруге Лиле, но, видимо, ошиблась квартирой. Закрыв дверь и накинув на плечи отцовскую рубашку в клетку, Виктория вышла на балкон, присела на низенький детский стульчик и, посмотрев на заставленный пустыми банками шкаф, решила, что уберет на балконе попозже.

«Банки жалко выбрасывать. Нужно соседкам предложить. Например — той же Лиле. Ей точно пригодятся. Она всегда у мамы спрашивала, как помидоры и огурцы закрывать». Лиля в гости по-соседски заглядывала и к себе приглашала. Вроде бы ничего плохого о ней Виктория не слышала, но в дружеские отношения не вступала, хотя родители часто хваливали молодую хозяйственную соседку.

С балкона этажом ниже слышались голоса и смех. Виктория не относилась к категории любопытных. Она не собиралась прислушиваться, но внизу разговаривали довольно громко.

— Так ты по делу или просто так заглянула?

Виктория машинально отметила, что голос принадлежит Лиле.

— Шла мимо. Дай, думаю, зайду, проведу. Ты же звала меня, забыла?

— Ничего я не забыла! Я рада, что ты пришла!

— Представляешь, я сначала на другой этаж сунулась. Звоню в дверь — а это не твоя квартира.

— Подумаешь, этажом ошиблась! Курить будешь?

— Буду, а ты?

— Я же не курю.

— Молодец, Лилька! А я никак не брошу, — раздался щелчок зажигалки.

— Том, ты присядь, я тебе сейчас пепельницу принесу.

— Пепельница старичка твоего?

— Со старичком мы давно расстались. Его старушка в Сибирь увезла. Не ехать же мне за ним!

— Жизнь он тебе подпортил, конечно, но ты, Лилька, не декабристка, это точно!

Виктория встала со стульчика, собираясь уйти с балкона, но следующая фраза остановила ее.

— Ты с кем сейчас любовь крутишь, с Игорем?

— Ну, если тебя это так волнует, — с ним, догадливая моя!

— Ага! И любишь ты его с самого выпускного?

— Тут ты ошибаешься, дорогая! С того момента, как переступила порог вашего класса!

— Ой, не смей меня! Чтобы ты и Игорь?.. У него же ни кола ни двора?!

— Насчет второго, подруга, ты точно ошибаешься. Мне Игорь рассказал, что ты подписала!

— Ну и как бабуля поживает?

— Приплыли!

— А жена его?

— Жена — дело временное. Сегодня — жена, а завтра...

— Кажется мне, что не зря ты попросила меня прийти сделать уколы бабуле! Да еще сказала, чтобы я халат белый надела и паспорт с собой взяла, потому что бабуля не доверяет никому! Конечно, я пришла, как договаривались, а тут нотариус в сопровождении Игоря. Я, если честно, не сразу его узнала!

— Хватит о нем. Пошли на кухню, у меня коньячок есть.

— Сейчас, докурю.

— Докуривай, а я пока лимончик порежу.

Теперь уже Виктория не торопилась уходить — вдруг будет продолжение разговора. Вскоре снова послышался голос соседки:

— Докурила?

Вместо ответа прозвучало:

— Лилька, зря ты мне лапшу на уши вешаешь.

— Ты о чем?

— Это чья квартира?

— Я же говорила: две комнаты — мои. Мне их старичок купил. А две других — не мои. Хозяева там вещи закрыли, а сами уехали в другой город. А что?

— А то, что в прошлый раз я именно в этой квартире была! Ну, когда подписывали...

— Ошибаешься. Ты была в сорок пятой! При чем здесь...

— Ну что ты дурочкой прикидываешься? Вернее, из меня дурочку делаешь! Я тогда... Я дерево за окном запомнила! Вернее, не само дерево, а скворечник. Посмотри-ка! Видишь скворечник на дереве? Он как раз на уровне твоих окон!

— Дался тебе этот скворечник! Ты что, до сих пор в юннатах ходишь?

— Ни в каких я юннатах не хожу. А скворечник прошлый раз я точно видела!

— Сполз он, отцепись!

Снова послышался смех, и после этого стало тихо.

Виктория выглянула с балкона вниз. Зачем-то отыскиала глазами среди молодой листвы скворечник. Снова закурила.

«Что делать? Может быть, это ошибка? Может быть, это какой-то другой Игорь? И действительно, при чем скворечник?»

Она вдруг вспомнила, что над письменным столом мужа висит в рамочке фотография выпускного класса. На ватных ногах прошла в комнату, уже не сомневаясь, что все поняла правильно.

«Точно, вот он Игорь, а вот Лилия Антонова — наша соседка. Подругу она называла Томой. Здесь на фото только одна Тома — Тамара Соловьева... Теперь понятно, почему он эту фотографию на стену повесил, — первая любовь! Как же я раньше не обратила внимания на эту тихоню: «Здрасьте, тетя Люба, здрасьте, дядя Толя»? Эх, знала бы тетя Люба, кого вареньем угощает!»

Виктория снова вернулась на балкон. На этот раз ей хотелось еще что-то услышать. Может быть, что-то такое, что раз и навсегда оправдало бы ее мужа. Внутренний голос пытался заступиться за него, но был почти не слышен из-за смеха Лили и Тамары, до сих пор звучащего в ее ушах.

— Вообще, я не понял, что за дела? Что там на плите кипит?

Виктория вздрогнула от неожиданности. Она не ожидала появления мужа. Вдруг захотелось стать невидимой и вообще здесь не присутствовать. Но в жизни бывают моменты, когда не на кого переложить ответственность за принятие решения. Настал именно такой момент.

Виктория перешагнула порог между балконом и комнатой, как будто пересекла государственную границу. Не в ее характере было сглаживать острые углы в разговорах. Поэтому вопрос свой она задала напрямую.

— Игорь, у тебя с нашей соседкой Лилей роман?

— Роман? Интересно, откуда такие сведения? Сорока на хвосте принесла? Или насплетничал кто? — Игорь попытался свести все к шутке, но, увидев выражение лица Виктории, передумал. — Короче, если ты обо всем знаешь, то это даже лучше — ничего объяснять не надо!

— Обо всем? Я не знаю... — растерялась Виктория.

— Неужели? Хотя чему тут удивляться. Ты же у нас особенная! Ты даже родиться ухитрилась двадцать девятого февраля! Ты никогда ничего не знаешь! Ты же у нас ни ры-

ба ни мясо! Ничего тебя не интересует как женщину! Ты хоть когда-нибудь делала маникюр? Или педикюр? Ты даже не знаешь, что это такое! Ходишь в чем попало! Посмотри, что на тебе? — Федякин потянул ее за рукав. — Зимой и летом или барахло какое-нибудь, или костюм дырявый, или рубашка мужская! А в парикмахерской ты когда-нибудь была? Ты же на чучело огородное со своей прической похожа! И хочешь, чтобы тебя мужики любили!

То ли от переживаний из-за смерти матери, то ли из-за накопившейся усталости, Виктория выслушала мужа очень спокойно. На лице не дрогнул ни один мускул.

Она прошлась по комнате, остановилась перед телевизором. Увидев невытертую пыль на экране, провела ладонью, собираясь с мыслями. Потом повернулась лицом к Федякину и посмотрела ему в глаза.

— Зачем же ты на мне женился?

— Пожалел тебя, дурочку! На тебя же вообще никто никогда не смотрел!

— Можешь уходить к своей... к своей соседке! Сейчас же, сию минуту!

— Ты в этом уверена? Ты забыла, что завтра сорок дней? Забыла, что люди придут?

— Помню, но ты... — Виктория хотела найти самое обидное слово, но не нашла. — Ты, будь добр, не приходи! И соседка твоя пусть мне на глаза не показывается!

— Тоже мне, нашлась указчица! Это мое личное дело!

Хлопнув дверью, Федякин ушел. Виктория опустилась в кресло, до конца не понимая, что все-таки произошло.

«При чем здесь двадцать девятое февраля? Разве я выбирала, когда мне родиться? Не нравится, как я одеваюсь, — можно было по-другому сказать! И разве я виновата, что последнее время денег только на еду и хватает. Какая может быть новая одежда? Прическа у меня не такая, как у соседки?»

Весь день Виктория мысленно продолжала разговор с мужем. Нашлись нужные слова, чтобы оправдаться. Нашлись слова, чтобы обозвать. Но обидчика рядом не было. И не было рядом никого, кто мог сказать доброе слово в утешение. За последние месяцы она выплакала все слезы, и теперь не могла даже плакать. Вечером, после того как с комом в горле приняла душ, высушила феном волосы, она постелила себе на диване, выключила свет и попыталась уснуть. Однако попытка не удалась. Ее воображение услужливо рисовало картины встреч Лили и Федякина. И как ни не хотелось ей не думать об этом, ничего не получалось. От всех этих мыслей и образов разболелась голова. Она встала, выпила таблетку, завела на всякий случай будильник. Укладываясь в постель, вспомнила утреннюю передачу и вопросы ведущего передачи о любовном треугольнике.

«Елки зеленые, получается, что я и есть тот самый тупой угол, — с горечью подумала она. — Что там еще спрашивали? Что-то о богатых и бедных. Хорошо хоть это не обо мне».

Уснуть удалось только под утро. Проснулась она от холода — оставила на ночь открытые форточки в спальне и на кухне. Натянула одеяло под самый подбородок, собираясь поспать еще, но тут зазвонил будильник. Пришлось вставать. Дел было много, а помощников мало. О вчерашнем происшествии еще никто не знал, да и посвящать в свои дела она никого не собиралась, кроме подруги Светки и ее мужа Вадика.

Виктория достала из шкафа теплый махровый халат. «Самое то, — запахнувшись, она завязала пояс потуже. — Что бы такое надеть сегодня?»

Достала сначала джинсовое платье. Потом повесила обратно, мысленно послав подальше бывшего мужа. В том, что муж уже бывший, она не сомневалась. Приготовила серый джемпер, черные джинсы. После этого, решив, что одна не справится, позвонила Светке.

Помянуть родителей собрались близкие друзья и соседи по подъезду. Виктория после почти бессонной ночи выглядела уставшей. Все снова успокаивали ее. Успокаивали, как могли. В основном звучала фраза «время лечит». Она согласенно кивала головой в ответ и выслушивала советы, как ей жить дальше. И в финале каждого совета повторялось, что она не одна, что у нее есть муж, который всегда поддержит в трудную минуту. Вот и сейчас муж зарабатывает деньги, чтобы обеспечить семью. Виктория снова кивала головой.

Это по ее просьбе Светкин муж Вадик объяснил всем, что Федякина срочно вызвали на работу. Получалось, что о том, как ей жить дальше, знали все, кроме нее самой. Внешне она оставалась спокойной, хотя и нервничала, то и дело поглядывала на входную дверь, ожидая появления Федякина. Но он не пришел. Собравшиеся посетовали на несправедливость начальства и жизни вообще. Уходя, все опять успокаивали Victорию и опять повторяли те же слова.

— Держись, дочка, за мужа, — еще раз посоветовал пожилой сосед с первого этажа, — а надо что будет, так я помогу.

— Хорошо, буду держаться, — пообещала Виктория.

— Не нужно, мы сами уберем, — остановила она соседку, пытающуюся собрать со стола грязную посуду.

— Ну, как знаете, — не обиделась та, — тогда я пойду.

Проводив всех, Виктория вернулась в комнату.

— Никто больше не спрашивал, почему Федякина нет?

— Даже если кто и спрашивал, не обращай внимания. Это ваше семейное дело.

— О чем ты говоришь, Светик? Какое семейное? Нет у нас никакой семьи. Вернее, у меня нет. У него-то уже есть — новая. И по этому поводу не нужно меня успокаивать, хорошо?

— Хорошо, хорошо, — быстро согласилась Светка, — вот сейчас все уберем, будет чисто и... — не зная, как продолжить, она замолчала.

— Все нормально, Свет, не надо меня успокаивать. Ты же

слышала — время лечит.

— Может, простишь мужика? — вмешался Вадик.

— А ему это нужно? Он даже не оправдывался! Он же был рад, что я все узнала, и ему не пришлось начинать разговор первым!

— Ну, допустим, всего ты не могла узнать...

— Вадик, — прервала его Светка, — только не начинай заступаться за него.

— Да я и не заступаюсь.

— Не ссорьтесь из-за меня, ладно? Вы сейчас уйдете, а я буду думать, что вы из-за меня поссорились.

— Нет, у меня в голове не укладывается, что он изменил тебе, — продолжала Светка, — именно сейчас, да еще с кем? С соседкой по подъезду!

— Какая разница — с кем? Разве легче было бы, если бы он изменил мне с королевой?

— Ну, извини, я просто не знаю, как тебя успокоить.

— Это ты меня извини. Успокоюсь, не маленькая. Ты же слышала — время лечит.

— Кажется, все, — Светка вытерла и поставила в шкаф последнюю тарелку. — Что-нибудь еще надо делать?

— Сегодня уже ничего. Вы идите домой, отдохайте, а завтра встретимся, поговорим без посторонних.

— Ты точно бояться не будешь?

— Будет страшно — Федякина позову, он же здесь, по соседству.

— Вот-вот, так и продолжай, — Светка обняла ее, прощаясь. — Такой ты мне больше нравишься!

Закрыв за друзьями дверь, Виктория хотела вернуться на кухню, но не успела: в дверь позвонили.

Увидев в глазок Федякина с Лилей, открыла дверь.

— Соседи?

Она вложила в это слово все чувства, которые испытывала в настоящий момент к своему бывшему мужу и его любовнице.

— Решили маму мою помянуть? Заходите, я вам по стопочке налью.

— Ну, что ты, Вика, не надо так. Я тоже ее любил, — примирительно произнес Федякин. — Заходи, Лиля.

— Нет, не надо заходить, — она перегородила дорогу. — Я вам сюда вынесу!

— Ты забываешь, что я здесь прописан, и даже больше. Короче... — Федякин сделал паузу. — Это моя квартира.

— С каких это пор? Ты ничего не путаешь?

— Я ничего не путаю. А ты просто не владеешь информацией, — по слогам произнес он последнее слово, помахав перед ее глазами тоненькой папкой из красного полиэтилена.

— Какой еще ин-фор-ма-ци-ей?

— Может, мы все-таки мы пройдем?

Виктория посторонилась.

— Что там у тебя? Заявление на развод? Так я не возра-

жаю!

— А куда тебе деваться? — Федякин усмехнулся. — Читай!

— Я не думаю, что это так важно. Садитесь за стол. Помянем сначала маму.

— Помянем, конечно. Садись, Лиля.

Виктория разлила водку по рюмкам.

— Скажи что-нибудь, как любящий сын. Ты же наверняка речь приготовил?

Федякин, действительно приготовивший заранее соответствующие такому случаю слова, занервничал.

— Да, приготовил, только разве ты это поймешь? Разве ты вообще когда-нибудь что-нибудь понимала?

— Конечно, я ничего не понимала! А вот она, — Виктория кивнула на соседку, — все понимает. Вот только молчит. Ну совсем как соседский Шарик!

Федякин, не отвечая, выпил и поднялся с места.

— Ладно, мы пойдем, а ты ознакомься на досуге, — он положил папку на стол.

— Зачем же заходить, время драгоценное тратить? Я сейчас ознакомлюсь!

— Оставь себе. Это копии. Пойдем, Лиля. Вике нужно побыть одной, почитать, подумать.

— Да, я хочу остаться одна! А вот читать сейчас ничего не хочу! Не хочу и не буду!

Виктория швырнула папку в прихожую, вслед «соседям».

Но Федякин уже закрыл за собой дверь. И оттого, что они ничего не услышали и не увидели, расплакалась, по-детски размазывая слезы по лицу.

Снова раздался звонок в дверь — это вернулась Светка.

— Свет, что-нибудь забыла?

— Вот гад! Мы его с этой, ну, с соседкой, встретили! Чего ты ревешь? Что он тебе опять наговорил?

— Себя жалко стало. Я, и правда, смотрюсь как кошка драная! Джинсы старые, джемпер старый, — Виктория вытерла слезы краем джемпера. — Вон, рукава обтрепались. Конечно, Свет, она молодец, эта его бывшая одноклассница. Умеет себя подать. И накрашена, и маникюр, и колготки, и туфли на шпильках — не то, что я, мышь серая!

— Ну и свинья же она! Вырядилась в кофточку шифоновую, как будто в бар пришла, а не на поминки! Хоть и черного цвета, но надо меру знать, а не грудь напоказ выставлять. Да и дура к тому же. Все Федякину про какой-то скворечник твердила.

— Скворечник?

— Я толком не поняла. Федякин ответил ей, что на дерево не полезет. Потом они меня увидели и замолчали. Ее подружка тоже что-то говорила о скворечнике. Странно все это.

— Со скворечником мы потом разберемся, — грозно нахмурившись, пообещала Светка. — Тебе-то он что наговорил?

— Вот, принес почитать, чтобы я владела какой-то информацией. Проходи, Свет, почитаем вместе.

— Неохота босоножки расстегивать. Я постою, а ты почти вслух.

Виктория открыла папку и пробежала глазами начало.

— Это завещание!

Увидев, как у нее меняется выражение лица, Светкахватила папку и стала читать.

— Свет, ты скоро? — заглянул в дверь Вадик.

— Вадик, как хорошо, что ты поднялся! Иди сюда.

— Что еще?

— Почитай-ка, что этот гад Вике принес!

— Ничего себе заявки! Получается, все завещано ему? — присвистнул Вадик, прочитав в свою очередь копию завещания. — Ты же говорила, что мать все тебе отписала?

— Так и было.

— А это откуда взялось? Может быть, позже составлено? Так иногда бывает!

Виктория вспомнила тот день, когда они с матерью ждали нотариуса.

— Меня еще на работу срочно вызвали — ключи от сейфа понадобились. Кстати, никому я там не нужна была. Потом я к вам забежала — денег занять. Когда домой вернулась, мама сказала, что нотариус уже приходила и все оформила на меня. Свет, я ничего не понимаю! Получается, что наша квартира, наш гараж, наша дача — все принадлежит ему?

— Ну да. Получается, что так. У тебя остается только машина.

— Ни фига у меня не остается, — Виктория до боли закусил губу, — я доверенность написала на него, с правом продажи.

— На свою машину? Зачем?

— Деньги нужны были, а мне некогда было продажей заниматься.

— Взяла бы у нас!

— Я и так вам много должна. Для этого и машину решила продать.

— Скажи честно, это была его идея?

— Свет, ну какая разница?

— Так все-таки, его была идея?

— Продать я сама решила, а доверенность — он подсказал.

— Ну, подлец! Ну, уникальный гад! Что же нам теперь делать? — Светка посмотрела на мужа, ожидая от него серьезного предложения, которое сразу решило бы все проблемы Виктории.

— Подожди, Вик, ты только что сказала, что завещание на тебя было, да? Где оно?

— Лежало вместе со всеми документами в ящике письменного стола, — Виктория бросилась к столу, открыла ящик и достала папку с документами, торопливо перебрала все, что в ней было. — Нет его!

— Дай-ка сюда! — Вадик забрал папку и снова просмотрел все документы.

— Нет его, — повторила Виктория, — я пойду, спрошу у Федякина, куда оно делось!

Виктория спустилась этажом ниже и позвонила в сорок первую квартиру. Дверь открыл Федякин.

— Зачем пришла?

— Где завещание, которое лежало в папке с документами? Федякин улыбнулся.

— Я принес тебе копию! Что тебе не нравится?

— Завещание было составлено на мое имя! Ты подменил его!

— Ошибаешься, дорогая! Завещание было составлено на мое имя!

Федякин продолжал улыбаться.

— Мама не могла этого сделать!

— Еще как могла! Твоя мама ревновала тебя к твоему папе!

— О чем ты говоришь? — опешила Виктория. — И мама, и папа любили меня!

— Кто бы сомневался! Только папа любил больше! И не как родную доченьку, а гора-а-аздо больше!

— Ты сошел с ума! Как ты можешь говорить такое?

— Отец у тебя был неродной! Разве ты об этом не знала? Что вы с ним делали в гараже целыми днями?

Когда до Виктории дошел смысл сказанного Федякиным,

она с ужасом попятилась от него, развернулась и побежала к себе.

— Что? Что случилось? — Светка встряхнула ее за плечи. — На тебе лица нет! Виктория, не молчи! Что он тебе сказал?

Когда к Виктории вернулся дар речи, она рассказала об услышанном от Федякина.

— Уникальный гад! С чего он взял? Вадь, что делать? — Светка повернулась к мужу.

— Так сразу и не придумаешь, — пожал плечами Вадик, — но с этим делом нужно разобраться. Нужно нанять хорошего адвоката, например...

— Вик, ты слышишь?

— Хорошо, Вадь, я так и сделаю. Но сначала разведусь с ним, перееду куда-нибудь. Только переезжать мне некуда, и денег нет. Получается, что теперь я самая что ни есть бомжиха?

Светка с Вадиком переглянулись.

— Не все так плохо, — попыталась успокоить подругу Светка, — у тебя есть мы. Мы тебе поможем. Хочешь, поживи у нас пока.

— Пока — это сколько?

— Пока квартиру свою не вернешь, — подсказал Вадик. — Дураку понятно — здесь что-то не так.

— Что-то? Вадик, да тут все не так, — возмутилась Светка. — Он все специально напридумывал, чтобы Вика судить-

ся с ним не пошла! Как могла тетя Люба все оставить ему?! Она же Вику так любила! Пылинки с нее сдувала! Вика — единственная наследница! Не пойму, как все это получилось? — Светка еще раз перечитала завещание. — Свидетель — какая-то Пустовойтова. Это и есть твоя соседка?

— Ее фамилия — Антонова.

— Точно, не она. Тут и имя другое — Тамара.

— Тамара — это одноклассница, ну та, с которой Лиля на балконе разговаривала. Точно, они же говорили о завещании! — вспомнила Виктория.

— Понятно. Одноклассниками и одноклассницами мужа ты не интересовалась.

— Кое-что он рассказывал, конечно, но никого из них я не видела. «Даже Лили у себя под носом!»

— Нужно срочно идти к этому нотариусу и все расспросить!

— Сначала к юристу — узнать, что к чему, — подал голос Вадик, — выяснить, что можно предпринять. Скорее всего, нужно будет судиться.

— А деньги? Где я возьму столько денег, чтобы судиться с ним? Быстро я их не заработаю. И не могу же я у вас жить вечно!

— Есть бабушкина квартира, — напомнил Вадик, о пустующей квартире Светкиной бабушки.

— Точно, там ты можешь жить, сколько захочешь. Мы там ремонт собирались делать, да все равно денег пока нет, —

Светка обрадовалась, что муж оправдал ее ожидания и нашел-таки разумное решение.

Проводив до лифта Светку и Вадика, Виктория вернулась в квартиру. Походила по комнатам, обдумывая случившееся, пытаясь принять какое-то решение.

«Нет, так дело не пойдет! Нужно просто отдохнуть, а завтра подумать. Выход непременно найдется. Только не сегодня».

С надеждой, что утром все решится само собой, Виктория направилась в спальню, собираясь хорошенько выспаться. Но, поворочавшись с полчаса с боку на бок, поняла, что здесь, на их общей двуспальной кровати, она спать не может. Поднялась, включила свет, сгребла одеяло с подушкой и ушла в зал на диван. Вернулась в спальню, чтобы выключить свет. По дороге обратно сбросила вторую подушку на пол. И уже лежа на диване, расплакалась от жалости к себе.

Этажом ниже не спалось и Федякину. Он мог только предположить, каково сейчас Виктории. Конечно, он собирался с ней разводиться, но не таким образом и не в такой момент. Все получилось неожиданно и быстро. Виктория просто застала его своим вопросом врасплох. Можно было все перевести в шутку, но Федякина понесло так, что он не смог остановиться. Наговорил лишнего. А ведь он давно готовился к этому разговору. И с его стороны должны были прозвучать слова, что она, Виктория, не виновата, что так сложились об-

стоятельства, что Лиля — его первая и настоящая любовь. И насчет тестя тоже зря сказал. Вернее, он собирался так сказать, но только наедине. Изучив за время знакомства и совместной жизни характер Виктории, он предвидел ее реакцию и знал наверняка, что, услышав такое о своем отце, она ни за что не станет оспаривать завещание. В этом Федякин был точно уверен, как и в том, что, даже оставшись без квартиры, машины и гаража, Виктория не пропадет. Покойный тесть перед самой аварией говорил, что одолжил крупную сумму денег своему другу. Разговор этот зашел, когда Федякин решил взять кредит на развитие своей только что зарегистрированной фирмы и попросил тестя стать поручителем. Тесть согласился и даже пообещал половину кредита выплатить сам, как только его друг вернет вышеупомянутый долг. Федякин предполагал, что Виктория знает, кто должен вернуть долг. Надеялся, что она сама заговорит об этом. Вот тогда-то он и хотел сообщить, что разводится с ней и женится на Лиле. По его подсчетам, тех денег Виктории должно было хватить на первое время. Так что совесть его не особенно мучила. Самое главное, что Лиля — рядом с ним не во сне, а наяву, что все в его жизни хорошо.

...В детстве с Игорьком — так звала его мама — ничего плохого не происходило. Он был младшим сыном в семье, и внимания ему уделялось достаточно. Старший брат заступался за Игорька в уличных разборках, а сестра на но-

вогодние праздники делилась конфетами из ярких новогодних пакетов. Хуже стало потом, когда Игорек понял, что он из многодетной бедной семьи, что ему придется донашивать джинсы за старшим братом. В школе Игорек был на хорошем счету. По окончании каждого учебного года ему вручали похвальную грамоту, а родителям — благодарственное письмо. Девочки из его класса давно поставили на нем крест. Оживились они лишь тогда, когда в их классе появилась новенькая ученица и обратила на Игорька внимание. Сам Игорек хорошо помнил тот день, когда Лиля впервые вошла в их класс. Какой нежной и беззащитной показалось ему эта девочка с печальными карими глазами! Одноклассница Тамара Соловьева, которой он носил сумку, как верный оруженосец оружие своему рыцарю, прозвала его Пансой и всегда находила повод выставить его на посмешище. Лиля же приветливо улыбалась, разговаривала с ним на переменах и даже угощала конфетами, печеньем. В конце учебного года, после торжественной линейки и последнего звонка, одноклассники организовали вечеринку. Лиля танцевала только с ним. Потом случилось то, о чем Игорек и мечтать не мог даже в самом красивом сне. Он был на десятом небе от счастья. После сдачи экзаменов и выпускного вечера Лиля призналась ему, что беременна и заговорила о свадьбе. Игорек растерялся. Но когда услышал, что все расходы на свадьбу и на содержание молодой семьи возьмут на себя родители Лили, воспрянул духом. Но свадьба не состоялась. Лиля неожидан-

но уехала. После разговора с Тamarой, которая много чего рассказала о своей сбежавшей подруге, Игорек возненавидел весь белый свет. А особую ненависть затаил на представителей прекрасной половины человечества. Уехав из родного совхоза, он поступил в политехнический институт. В институте не было Тамары, там никто не звал его Пансой. Но так же, как в школе, девушки не оказывали ему особого внимания. Правда, это мало беспокоило его. Хотя и закончилась его первая любовь сердечной катастрофой, засыпая, он каждый день вспоминал Лилу и мечтал о встрече с ней. Игорь не собирался прозябать в нищете, как его многодетные родители. В его жизни должно было быть все: хорошая квартира, машина, путешествия в дальние страны. В своих мечтах Федякин неизменно был богат, хорошо одет, имел крутую иномарку, а девушки сами предлагали свою любовь. Все его мечты заканчивались яркой картиной встречи с Лилей. Он проводил с ней ночь, а наутро уходил, слыша вслед мольбу остаться навсегда...

После института Федякин с трудом устроился на работу. Его взяли с испытательным сроком. Денег платили мало. Жить приходилось на квартире. Он понимал, что шикарная квартира, крутая машина и Багамские острова — это там, в будущем. Чтобы как-то это будущее приблизить, он пошел на курсы вождения. Занятия проводила девушка, внешне так себе, но домой уехала на своей машине. Федякин решил познакомиться с ней поближе. Девушку звали Викторией. На

следующий день, по его просьбе, она подвезла его после занятий. Потом Федякин пригласил ее на чашечку кофе. Между ними завязались дружеские отношения. Однажды, провожая Викторию, он внезапно увидел Лилю...

Лиля жила в том же подъезде, что и его новая знакомая. К тому времени Федякин уже познакомился с родителями Виктории. Ее мать, Любовь Панина, работала технологом, а отец, Анатолий Панин, испытывал новые модели автомобилей. Обычно после очередных испытаний у Паниных собиралась интересная компания. Обсуждались достоинства и недостатки модели. Виктория отлично разбиралась во многих вопросах. Если она высказывала свое мнение, ее никто не перебивал. Федякин в конструкторских тонкостях разбирался мало. Он слушал молча, но дураком его никто не считал, потому что при знакомстве Виктория объявила, что ее друг занимается компьютерами.

Федякин вел себя осторожно. Он старался не попадаться Лиле на глаза, а сам потихоньку собирал сведения о ней. Так, от соседки, забежавшей к Паниным одолжить соли, он узнал, что Лиля снимает квартиру этажом ниже, что иногда ее навещает мужчина в возрасте. Соседка высказала предположение, что это отец Лили. Также он узнал, что работает Лиля медсестрой в процедурном кабинете районной поликлиники.

Федякин не торопился. Теперь, так близко увидев свою цель, он был уверен, что все будет так, как он задумал. Да

и нельзя ему торопиться. Лиля — это только вторая часть его программы. А еще не была реализована первая часть — он не был богат. Не было квартиры, машины, денег. Виктория нравилась ему, потому что она не пыталась затащить его в постель, чтобы потом женить на себе. Побывав в первый раз дома у Паниных, Федякин решил, что живут они так же средне, как большинство семей. Зачем же тогда жениться, если все будет как у всех? Его устраивала просто дружба. Ему нравилось, что его хорошо встречают в этой семье. Мать Виктории всегда старалась его накормить и угостить чем-нибудь вкусным. Отец — тот особенно не обращал на него внимания. Это было понятно. Федякин не разбирался в марках автомобилей, не понимал, чем отличается одна модель «Жигулей» от другой. Не обращал внимания, но и не запрещал дружить. То, что у отца Виктории была машина последней модели, Федякина не удивляло. А вот когда Виктория получила в подарок на день рождения новенькую «десятку», он призадумался. Откуда у Паниных такие деньги? Спросить у Виктории напрямую он побоялся, а матери намекнул, что имеет серьезные намерения в отношении ее дочери. Ничего не подозревая, Любовь Ивановна приняла все за чистую монету, проговорившись, что деньги у них есть и на свадьбу, и на новую квартиру. Рассказала, что они с мужем выросли в детском доме, что родственников у них нет, и она боится умереть раньше, чем Виктория выйдет замуж. Тут Федякин и начал осуществлять первую часть своей про-

граммы. Его старания не прошли даром: Виктория поддалась уговорам матери и согласилась выйти за Федякина замуж. Вскоре сыграли свадьбу.

Понимая, что Лиля хочет возобновить с ним знакомство, Федякин не пошел на это, потому что денег у него еще не было, как не было своей квартиры и машины. Все случилось гораздо позже, но совсем не случайно, как мнилось Федякину.

Стараясь не разбудить Лилю, он потянулся рукой к будильнику, чтобы выключить его.

— Ты уже встаешь? – сонно спросила Лия.

— Нет, просто не хотел тебя будить так рано.

Федякин встал и ушел на балкон покурить. А Лия, вспомнив, что произошло накануне, проснулась окончательно. Хоть и «увела» она чужого мужа, совесть ее совершенно не мучила. Все, что, казалось бы, произошло случайно, было давно и тщательно спланировано. Ну не с самого детства, конечно, и не со школьной скамьи. Одноклассницей Тамары Соловьевой и Игоря Федякина она стала только в десятом классе. Как далеко теперь было то время, когда она первый раз переступила порог средней школы совхоза «Пролетарский».

В школе было два выпускных класса. Лилю определили в класс, где учились Тамара Соловьева и Игорь Федякин.

Мальчики в классе сразу принялись ухаживать за новенькой, но она ни на кого не обращала внимания. Из девочек выбрала Тамару, потому что Тамара всегда была в хорошем настроении и никогда ни на что не жаловалась, хотя, имея отца-алкоголика, могла найти массу поводов для жалоб. Ухажеров Тамара меняла, как перчатки, не заморачиваясь на долгие отношения. Игорь носил ее сумку с тетрадами и имел прозвище Панса. Сначала это звучало как Санчо Панса, а потом осталось просто Панса. Хихикая, одноклассницы рассказали, что Игорь донашивает за старшим братом одежду, что пацан он не хилый, но трусливый. В драки не вмешивается, и денег, чтобы угостить или за билет в кино заплатить, у него никогда нет. По той же причине не тусуется после школьных вечеров. Поэтому они поставили на нем крест, и только Томка Соловьева с ним водится. Девчонки пытались выпытать у новенькой о ее любовных похождениях в прежней школе, но Лиля отшучивалась. Ей было что скрывать. И даже Тамара, ставшая близкой подругой, не знала, что именно из-за Лили семья агронома Антонова вынуждена была покинуть прежнее место жительства и уехать в совхоз «Пролетарский».

Бес попутал председателя кооператива Степанова. Вручая в подшефной школе грамоты и денежные премии ученикам, победившим в олимпиаде, он увидел Лилю. Опытный мужчина, Степанов знал, как соблазнить молоденькую хоро-

шенькую девочку, и добился своего, тем более, что она и сама была не против. Почти год им удавалось скрывать свои встречи, пока слух не дошел до жены Степанова. Разгневанная жена закатила неверному мужу страшный скандал, пригрозив пожаловаться своему папеньке. Испугавшись, что тесть изымет свой капитал из кассы кооператива, Степанов договорился с родителями Лили и оплатил им переезд в другой район. Лишь на Первомайские праздники Лиле удалось вырваться на свидание, а вскоре она узнала, что беременна, о чем и сообщила Степанову. К ее удивлению, Степанов попросил ребенка оставить, обещая в дальнейшем свою поддержку и помощь. Родители ни о чем не догадывались. Только Тамара, будучи девочкой наблюдательной, заметила, что подруга невпопад отвечает на вопросы учителей, жалуется на головокружение школьной медсестре и с удовольствием ест соленые огурцы. Догадавшись в чем дело, она напрямую спросила и услышала в ответ, что так и есть, — подруга беременна и не знает, как быть дальше. И тут Тамара проявила невероятную изворотливость. Она предложила Лиле зашить кого-нибудь из одноклассников в постель, а по прошествии месяца объявить, что забеременела от него. Выбор пал на Игоря Федякина. Федякин не только поверил, но и сам предложил пожениться, Лиле даже не пришлось уговаривать его, а плохое самочувствие оградило ее от настойчивых уговоров повторить ночь любви.

Жениться на Лиле Федякин не успел. Пока он ездил по-

давать документы в институт на заочное отделение, приехал Степанов и увез Лилю. Лиля передала через Тамару, чтобы Федякин забыл о ней, и попросила смягчить удар: сказать, что на ее отъезде настояли родители. Тамара просьбу выполнила лишь наполовину, а зато рассказала потрясенному Федякину всю правду о Лиле, да еще посмеялась ему вслед.

Степанов снял для молодой любовницы две комнаты в четырехкомнатной квартире, хозяйка которой давно жила и работала в другом городе. Сначала Лиле все это нравилось, и ее нисколько не страшило положение, в котором она оказалась. Как девочка умная, она не стала надеяться на то, что всегда будет домохозяйкой, и поступила в медицинское училище. Степанов не возражал. Появлялся он не часто, щедро одаривал подарками и был огорчен, когда Лиля сообщила, что у нее случился выкидыш. Договорился с соседкой, чтобы та помогала Лиле по хозяйству. Не бесплатно, конечно. Идиллия продолжалась около трех лет. Но все, как правило, имеет свой конец. Жена снова узнала об их встречах и потребовала уехать из этого города. Оказавшись меж двух огней, к тому времени горящих почти одинаково, Степанов выбрал жену и богатого тестя. Но перед тем как расстаться с Лилей, открыл на ее имя счет в банке и стал ежемесячно перечислять приличные суммы денег. Кроме этого, он выкупил эти две комнаты и оформил на имя Лили. Они не виделись десять лет. За это время у Лили, конечно, были мужчины, но в щедрости ни один из них не мог сравниться с первым любов-

ником. Степанов к этому времени взлетел очень высоко — деньги и связи тестя сделали свое дело. И вот однажды, когда Лиля уже совсем потеряла надежду увидеть его, он приезжает. Объятия, постель и снова разлука, и, как гром среди ясного неба, — Лилия снова беременна. Поразмыслив о том, что ей уже за тридцать, решила ребенка оставить. Она не держала обиды на Степанова, ведь он аккуратно пополнял ее счет в банке. Как он узнал о ее положении, осталось для нее загадкой, но в ее почтовом ящике вдруг появилось письмо, в котором Степанов обещал в несколько раз увеличить помощь, но с одним условием — Лилия должна выйти замуж за человека, который согласится дать ребенку свою фамилию. Лилия решила съездить к родителям, посоветоваться. Договорилась на работе, и перед отъездом поднялась на шестой этаж, оставить соседям ключ. Соседка взяла ключ, пообещала поливать цветы и, не удержавшись, радостно сообщила, что дочка выходит замуж. Когда Лилия вернулась от родителей и пришла за ключом, дверь ей открыл... Федякин. Она видела, что он узнал ее, но позволил теще познакомить их заново и не отказалась от предложенного чая. И пока пила чай, уже придумала, что ей делать дальше. Она решила снова воспользоваться старым советом подруги Тамары. Оставалась самая малость — снова затащить Игоря Федякина в свою постель. Не прошло и месяца, как ей это удалось. Дальше произошло объяснение, аналогичное объяснению тринадцатилетней давности. Но, к удивлению Лили, это не срабо-

тало. Федякин больше не пришел. Она часто видела в окно, как он вместе с женой, тещей и тестем садился в машину. Видела, как подносил тяжелые сумки теще, как копался в двигателе вместе с тестем. И его жена, которую Лиля за глаза прозвала растрепой, тоже вечно крутилась возле машины. Встречаясь с ней в подъезде или во дворе, Лиля улыбалась. Улыбалась, а сама ненавидела ее. Ненавидела, потому что ей, этой растрепе с дурацкой заколкой в волосах, было на нее, красавицу Лилю, наплевать: и на то, что у Лили модная прическа, и ходит она, в отличие от некоторых, на высоких каблуках, а не в кроссовках, и на то, что на Лиле — не потрепанные старые джинсы, а короткая юбка. Ненавидела ее Лили и за то, что растрепса садилась за руль новенькой «десятки», которую ей подарил отец на день рождения. Да мало ли за что!

От Степанова не было никаких вестей, кроме денег, поступающих на ее счет. Он не прислал даже поздравления с рождением ребенка. Выйдя из декретного отпуска, Лиля устроила сына в детский сад и вернулась на прежнее место работы, в поликлинику. Однажды, гуляя с сыном по парку, она встретила Тамару. Из разговора с ней узнала, что Тамара, уехав из совхоза, пробовала поступить в медицинский институт. С институтом ничего не получилось. Закончила медучилище, вышла замуж, родила дочь, а недавно развелась. Дочь осталась с отцом и бывшей свекровью. Лиля не удержалась и рассказала, что живет в одном подъезде с Федякиным

и что тот женился на дочери ее соседки. Поболтав обо всем сразу, подруги обменялись адресами и разошлись — каждая в свою сторону. После этого встречались пару раз в том же парке. На вопрос Тамары, как ей удастся на зарплату медсестры так хорошо одеваться, Лиля ответила, что у нее все тот же богатый покровитель, и хотя теперь уже не так молод, но щедр по-прежнему.

Да, тяжелые для всех времена Лили не коснулись. Благодаря заботе Степанова деньги были всегда. Одевалась она, на зависть всем знакомым, модно и в дорогих магазинах. Медсестры в поликлинике осуждающе шептались за ее спиной. Однажды старая, ворчливая санитарка, убирая кабинет, вдруг разоткровенничалась с ней. Ни с того ни с сего выложила тайну, мучавшую ее много лет. Лили рассеянно слушала и сочувственно кивала головой. Ее рабочий день уже закончился, но нужно было перебрать карточки на столе, вклеить результаты анализов. Рассказ санитарки несколько не тронул Лилю. Услышав знакомые имя и фамилию, она даже не подумала, что когда-нибудь эта информация ей пригодится. Собрав стопку карточек, отнесла их в регистратуру и заторопилась домой. Проверив свой почтовый ящик, обнаружила письмо от Степанова с напоминанием о замужестве. На этот раз в письме был поставлен срок. Нужно было срочно заняться своей личной жизнью. У Лили была возможность принять ухаживания знакомого врача из поликлиники. Но не могла же она быть отвергнутой каким-то Федя-

киным! Тем более, в письме не говорилось, что жить с мужем она должна до скончания века и умереть вместе с ним в один день. Лиля поставила цель — женить на себе Федякина, а потом, когда он оформит документы на усыновление, развестись с ним. Уж тогда-то можно будет позволить себе и молодого врача, и кого только душа и тело пожелают.

И Лиля приступила к выполнению своего плана. Первым делом она нашла предлог и наведлась к соседям. Сердобольная тетя Люба, услышав, что у Лили не работает розетка, тут же послала зятя починить. В следующий раз Федякин был послан своей тещей отремонтировать развалившийся детский стульчик. Он молча закрутил шуруп и собрался уходить, когда Лиля спросила его, за что он так ее ненавидит. И добавила, что это она должна ненавидеть его потому что сын растет без отца. Выслушав, какую услугу оказала ей Тамара, Лиля поняла, что трудно будет обмануть Федякина второй раз точно таким же способом. Но время еще было. Лиля заняла позицию выжидательную, но не пассивную. При каждом удобном случае приходила к соседям в гости с сыном. Иногда просила присмотреть за ребенком, пока сбегает в магазин. Ей не отказывали. И чаем с вареньем поили, и за ребенком присматривали. Летом, приезжая с дачи, угощали овощами и фруктами. Лиля наблюдала. Когда-то, прочитав в одной умной книге, что мужчины выбирают себе один тип женщин, остаются верными себе, она не могла понять, как Федякин мог жениться на блондинке Виктории, если ко-

гда-то был влюблен в нее — брюнетку Лилию?

Обрабатывала она Федякина со всех сторон. Однажды, оставшись с ним наедине, высказалась в адрес Виктории, что раз она до сих пор не родила ребенка, то, может быть, никогда и не родит. А потом снова напомнила о сыне и, улыбаясь, пообещала все рассказать его жене и теще. Какие из ее доводов сыграли роль, она так и не узнала, но Федякин к ней вернулся. Сначала как любовник. Они начали встречаться. В большинстве случаев встречались в ее квартире. Иногда на даче Паниных. Все это время она так старалась убедить Федякина, что он отец ее ребенка, что почти поверила в это сама. Поставив цель — женить на себе Федякина, Лилия упрямо к этой цели шла. Наконец ей удалось и это. Растрепа узнала об их встречах. Помог случай и болтовня Тамары. Теперь Лилия боялась, что именно болтовня Тамары может все испортить.

В комнату вернулся Федякин.

— Ну вот, я и тебя разбудил в такую рань!

— Ничего, мне сегодня во вторую смену, так что досплю.

Но скоро эта лафа закончится. Звонила мама. Сказала, что собирается огородом заниматься. Просила сына забрать. В субботу нужно ехать. Ты со мной поедешь?

— Постараюсь.

— Постарайся, а то если Тамара поедет, я не выдержу ее расспросов.

Федякин погладил ее по голове, как маленькую, и посоветовал:

— А ты не отвечай!

— Забыл, какая она дотошная? Опять начнет выпрашивать о скворечнике!

— А ты ее дружкой к себе пригласи!

Лиля засмеялась.

— А что? Возьму и приглашу!

Федякин посмеявшись вместе с ней, вдруг стал серьезным.

— Нет. Нельзя Тамару в дружки. И даже на свадьбу не приглашай. Представляешь, что может произойти, если она разговорится с твоей тетей?

Услышав слово «свадьба», Лиля замолчала, представляя себя в белом платье, а Федякина в черном костюме. Представила и особой радости не испытала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сидя на широком подоконнике, Виктория рисовала пальцем знак бесконечности на запотевшем стекле. Дождевые капли, проникающие сквозь щели в старой оконной раме, смывали сплошную линию, превращая ее в пунктир. Она рисовала снова и снова. Этот затянувшийся на месяц дождь нарушал все планы. Нужно искать новое место работы, чтобы заработать много денег. Заработав много денег, нужно нанять адвоката, чтобы решить вопрос с квартирой. Нужно устраивать свою жизнь. Много было таких «нужно». Жела-

ние устроить жизнь тоже было, да пока не было возможности.

Еще в мае, сразу же после объяснения с Федякиным, она ушла от него, и вот уже три месяца жила на окраине города, в старом доме, в квартире, доставшейся Светке по наследству.

Маленькая кухня, одна комната с крошечным ветхим балконом, старая мебель и старый, потертый ковер на полу. Покидая свою квартиру, она взяла только личные вещи. Большая картонная коробка из-под зимних сапог служила хранилищем старых бумаг, квитанций, писем, фотографий. На крышке красным карандашом было написано слово «Архив». Она поставила эту коробку на видное место, возле дивана, чтобы при первом удобном случае разобрать содержимое. Дождь не прекращался, дел никаких не было. Старый цветной телевизор, радовавший когда-то Светкину бабушку яркими красками, Victорию радовал теперь только звуком. Чтобы появилось изображение, нужно было подключиться к коллективной антенне. А чтобы подключиться к антенне, нужно было вызвать мастера. На момент его прихода нужно было иметь ключ от щитка. То есть снова много чего нужно было. Возможность все это сделать была, да не было желания.

Виктория побродила по квартире в поисках какого-нибудь занятия. Наткнувшись на коробку с надписью «Архив», решила, что возник этот самый удобный случай. Вынула коробку на середину комнаты и вывалила ее содержимое на

— ковер.

— Что здесь? Старые счета, чеки, гарантийные талоны, — приговаривая вслух, она откладывала ненужные бумаги в сторону.

Бодрый мотив «Чунга-чанга» с мобильного известил о том, что любимая подруга жаждет общения.

— Вик, ты дома? Чем занимаешься?

— Привет, Светик! Плохо слышно! Связь плохая! Говори погромче!

— Я спрашиваю, что ты сейчас делаешь?

— Разбираю семейный архив. Чем же еще может заниматься одинокая небогатая женщина в субботний вечер?

Выслушав в ответ, что по этому поводу думает любимая подруга, спросила, какое будет предложение.

— Бросай свое скучное занятие, — предложила Светка, — нас Вадик пригласил в бар, знаешь, на Лермонтова, «Рио»?

— Я не могу в «Рио».

— Почему?

— Постирала белые штаны.

— Не поняла! Тебе что, надеть нечего? Собирайся и приезжай! Вадик друга пригласил, познакомишься!

— Свет, я занимаюсь серьезным делом. Если не закончу, то сегодня мне негде будет спать.

— Опять диван развалился?

— Диван в порядке, — засмеялась Виктория.

— Тогда что за проблемы?

— Проблем нет. Просто у меня вся комната завалена всякими квитанциями и разными бумажками.

— Вик, я же для тебя стараюсь, приходи!

— Пока, радость моя, эконошь центы. — Виктория отключила мобильник и вернулась к своему занятию.

Перебрав бумаги, взяла в руки старый семейный альбом, смахнула с обложки пыль и открыла на заложенной странице. С черно-белых, местами пожелтевших снимков смотрели улыбающиеся лица девчонок и ребят. Виктория вздохнула, вспомнив, как последний раз забрала альбом из слабеющих рук матери. Ее взгляд упал на служивший закладкой заклеенный почтовый конверт. Шариковой ручкой знакомым почерком были заполнены строки «куда» и «кому». Письмо предназначалось Даневич У. Л. Обратный адрес был их старым адресом.

«Елки зеленые! Письмо, которое мама просила отослать! Она же просила марку приклеить, а я все время забывала на почту зайти. Ульяна Львовна до сих пор не знает, что мамы уже нет в живых. — Виктория поднялась с ковра, разминая затекшие ноги, прошла по комнате. — Нужно будет сообщить».

Ульяну Львовну Даневич, подругу матери, она знала с детства. Мать часто рассказывала о студенческих годах, и по ее рассказам Виктория знала, что Ульяна Львовна учились вместе с матерью и отцом в институте. После окончания все

трое, как молодые специалисты, получили направление на работу в один город. Через три года Люба и Толик — будущие родители Виктории — поженились. Потом, как полагается, родилась она, Виктория. Ульяна Львовна уехала в свой родной городок, где у нее жили старенькие бабушка и дедушка. Там вышла замуж, и через некоторое время, после смерти стариков, переехала в другое место. Иногда от нее приходили письма. Была даже фотография — Ульяна Львовна с мужем и сыном Костей. Один раз, когда Костя был еще маленьким, они приезжали в гости.

«Что же мне с письмом делать? Смотря, конечно, что там написано. Если ничего важного, то можно забыть о нем вообще».

Виктория нашла ножницы, аккуратно отрезала край конверта и достала сложенный вдвое лист бумаги. Немного помедлив, развернула и прочла письмо, которое оказалось весьма коротким. В правом верхнем углу стояла дата: тринадцатое февраля. Ниже шел следующий текст:

«Уля, дорогая, прости, что заставила тебя дать эту клятву. Прости, что обидела тебя. Ты была права, когда настаивала, что Виктория должна знать. Конечно, все изменилось. Толика уже нет, а скоро и меня не будет. Позвони мне, как только получишь письмо. Помни, я на тебя не в обиде. Бог нам судья, прощай».

«Этого мне только не хватало! О какой клятве идет речь? О чем я должна знать? Надо срочно вызывать группу под-

держки!»

Виктория тут же набрала Светкин номер.

— Ты до сих пор в «Рио»?

— А у тебя что, штаны высохли?

— Слушай, мне не до шуток. Вы можете сейчас приехать ко мне?

— Что ты кричишь? Я прекрасно тебя слышу. Что у тебя случилось? Действительно что-то серьезное?

— Понимаешь, я тут старое письмо нашла...

— Короче, — перебила ее Светка, — твоей жизни что-то угрожает?

— Вообще-то нет!

— Вообще-то — кто из нас трезвый, я или ты? Если ты — посмотри на часы!

— Ого! Уже двенадцатый час. Ну извини, Свет, подожду до завтра. Надеюсь, не умру от любопытства.

— «Завтра будет лучше, чем вчера», — пропела Светка, — пока!

— Пока...

«Конечно, завтра будет лучше. Завтра будет воскресенье, а вчера была пятница. А может, все-таки пятница лучше? Ждешь чего-то приятного от выходных, — раздумывала Виктория, перебирая оставшиеся бумаги, — а вдруг и случится что-нибудь приятное? Или что-нибудь необычное? Нашла же я сегодня это странное письмо!». Она быстро собрала в коробку оставшиеся документы, полистала старую

записную книжку матери и обрадовалась, увидев номер телефона Ульяны Львовны. Можно будет позвонить и узнать, о чем идет речь в письме.

Расстилая постель, вспомнила Светкин вопрос насчет дивана и засмеялась.

«И чего Светка прикалывается? Подумаешь, развалился однажды под ней, так сама виновата!»

Это было в день ее развода с Федякиным. Виктория вышла, сжимая в руке свидетельство о расторжении брака, довольная, что процедура развода наконец-то закончилась. Ей все время казалось, что работники загса помнят, как она в белом платье под свадебный марш Мендельсона шла по этому коридору. Помнят и в душе осуждают и ее, и всех остальных разведенных.

Светка с Вадиком, как могли, старались развеселить Викторию. Предложили поехать к ней и отметить это событие. Вадик произнес длинный тост, который закончил словами: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло...». Потом он опять сказал тост и ввернул в конце: «Баба с возу — коню легче».

— На что ты все время намекаешь? — Светка грозно приподнялась и замахнулась на мужа салфеткой. Потом со словами «я валяюсь!» шлепнулась на место. Старенький диван, как по волшебству, раздвинулся посередине. Светка оказалась сидящей между двумя половинками. Вадик вместо того, чтобы помочь ей, бросился за фотоаппаратом. За что по-

том и получил. А Виктория попросила Светку не произносить больше это заклинание ни у нее, ни у себя дома...

Проснувшись поутру, Виктория прислушалась: барабанит дождь по карнизу или нет? Судя по тишине, дождь прекратился.

«Вставать не хочется — это факт. Но придется, потому что хочется кофе, хочется что-нибудь поесть и хочется покурить. Да и время уже не раннее. Нужно что-то решать с этим письмом».

Набросила свою любимую рубашку, служившую ей халатом, и направилась на кухню. Протиснувшись между холодильником и столом, поставила турку с водой на газовую плиту, и таким же образом протиснулась обратно в прихожую. Такой обратный маневр был совершен для того, чтобы открыть дверцу холодильника. Потому как открыть ее, находясь на кухне, было невозможно. Открыла, заглянула внутрь и не сильно удивилась, когда ничего существенного, например котлеты, там не оказалось. Зато на тарелочке лежали целых два пирожных.

«Кофе, пирожные! Что может быть вкуснее? Эх, совсем забыла, что молотый вчера закончился. Закончился так закончился. Не сильно-то и хотелось», — подумала она и достала банку с растворимым.

Чашка горячего кофе с двумя пирожными заглушила чувство голода.

«Вот и славно, — теперь можно и подумать, что делать дальше, — она достала сигарету из пачки, закурила. — Нужно позвонить Ульяне Львовне и выяснить, о чем идет речь. Это самый простой способ открыть ларчик».

Виктория докурила сигарету, открыла форточку и поежилась от сквозняка. «Что за лето в этом году? Ни позагорать, ни искупаться. Уже за середину августа перевалило, а солнечных дней и не было».

Решив, что сигаретный дым уже выветрился, закрыла форточку и вернулась к дивану, собираясь еще поваляться в постели. Укрылась одеялом с головой, совсем как в детстве, когда мама будила ее по утрам, а так хотелось поспать еще хоть минуточку. Но сейчас сон не шел. Хотелось быстрее узнать, о какой клятве идет речь в найденном письме.

«Придется ехать к Светику — не с мобильного же звонить. А Светик так рано не встает. Хотя, пока я соберусь, пока доеду, уже часов двенадцать и будет».

Только Виктория определилась с программой минимум, как подруга позвонила сама.

— Тебе, что, не спится? — изобразила Виктория недовольный голос.

— Ничего себе! Взбудоражила нас ночью, я уже и такси вызвала, да Вадик меня не пустил!

— Представляю, сколько ты выпила! Ну ладно, не обижайся, Светик, тут такое дело... короче, я сейчас собираюсь и еду к вам, хорошо?

Прикидывая, чтоб такое надеть, убрала постель и пошла в ванную — приводить себя в порядок.

Закончив водные процедуры, высушила волосы, пытаюсь придать своему отросшему «каре» приличную форму. Сделала легкий макияж, который, с ее точки зрения, получился не очень удачным. Распахнув дверцу шифоньера, подхватила падающую полку и сползающее с нее белье.

«Ну когда у меня будет приличная мебель? Дверцы скрипят, полки падают, — она приладила на место полку. Достала синие джинсы и рубашку такого же цвета. — Придется гладить, но это мелочи».

Погладила рубашку, джинсы, поглядела на часы — почти двенадцать.

Виктория пронеслась по квартире, собирая в свою сумку все, что, по ее мнению, могло понадобится: записную книжку, авторучку, мобильник, сигареты, зажигалку, пустой свернутый пакет, расческу, несколько бумажных салфеток, косметичку, кошелек...

В прихожей, взглянув на вешалку, она решила, что ветровка и зонтик ей тоже не помешают. По привычке проверила, все ли выключено, и наконец-то вышла из квартиры. Заперев дверь, поздоровалась с поднимающимся по лестнице соседом.

«Раз первым мужчина встретился, значит, повезет», — вспомнила она приметку.

В приметы Виктория верила. Особенно верной для нее

была примета, когда навстречу кто-то шел с пустым ведром, тогда уж точно, удачи не жди. А в августе дачники ехали на дачи за урожаем, и почти все с пустыми ведрами. Так что было понятно, что в ближайшее время удачи ждать нечего. А когда ничего не ждешь, то ни в чем и не разочаруешься.

Легко перепрыгнула лужу у самого подъезда и замерла на одной ноге, прикидывая, будет ли удачным следующий прыжок. Следующий прыжок тоже был удачным, и она загадала, что если и третью лужу перепрыгнет, то ей точно повезет сегодня. Чтобы повезло наверняка, перепрыгнула самую маленькую лужу и, как бы оправдываясь перед собой, подумала, что имеет право выбирать.

Незнакомая старушка, опершись, как на трость, на большой черный зонт, близоруко прищурившись, наблюдала за ее прыжками.

Виктория помахала ей рукой.

— Давай, бабуля, смелей!

Старушка неожиданно улыбнулась:

— Я лучше вброд! — потом потыкала концом зонта лужу, проверяя глубину, и шагнула напрямую.

— Так вот ты какая, Мэри Поппинс!

— Чего-чего? — оглянулась старушка.

— Да я так, — рассмеялась Виктория.

Потом зашла в магазин, купила Вадик у обещанное пиво, минеральной воды, печенья. Приблизительно через полчаса она уже звонила в дверь, которую тут же ей открыли.

— Ты что, под дверью ждала?

— Ага, всю ночь просидела, — Светка подтолкнула подругу на кухню. — Проходи, рассказывай, что там у тебя случилось?

— Читай, — Виктория протянула Светке письмо, которое на ходу достала из сумки.

— Ульяна Львовна — это кто? — спросила Светка, прочитав письмо.

— Подруга моей матери. Они вместе учились в институте, дружили, — Виктория рассказала все, что знала сама.

— Что-то я о ней уже слышала раньше.

— Ульяна Львовна приезжала к нам прошлой осенью. Помнишь, я тебе рассказывала? Я вышла белье на балкон вешать и присела там покурить тайком. Они в комнате разговаривали, а потом... потом мама громко так сказала: «Не смей этого делать, поклянись, что ты этого не сделаешь!» Свет, можно здесь покурить?

— И мне сигаретку дай, пока Вадик не видит.

— Сигаретку не дам, молодым мамочкам не положено. Ты мне лучше бутерброд с колбасой сделай. Есть хочется.

— Подожди, сейчас я борщ разогрею — мы сами еще ничего не ели. Так что дальше было?

— Я испугалась, прибежала в комнату. Хотела спросить, в чем дело. А мама ответила, что все нормально, что меня это не касается, — Виктория замолчала.

— А что было потом? Ты спрашивала после, о чем они

говорили?

— Пыталась, да Ульяна Львовна вечером попрощалась с нами и уехала. Маме на следующее утро хуже стало. Я еще подумала, что это из-за того разговора, ну и разозлилась, конечно. О том, что мама умерла, она не знает. Я не нарочно. Просто тогда адреса не нашла. Оказывается, и адрес был, и номер телефона в записной книжке.

— Вик, давай позвоним прямо сейчас и все выясним!

— Может, не надо? Чего старое ворошить? Вдруг откроется что-нибудь такое...

— Тогда твоя мама не просила бы тебя это письмо отправлять.

— Ты права, нужно позвонить и спросить.

— Давай сначала поедим. Уже все готово.

— Борщ! Вкусно так пахнет, наливай.

— Не понял? Вы тайком борщик уплетаете, а я, значит, с голоду помирай?

— О, Вадик, привет! Хорошо вчера посидели?

— Это было вчера. А сегодня я снова есть хочу.

— Мог бы денек и на диете посидеть, — заметила Светка, — и так уже толстеть начинаешь.

— Хорошего человека чем больше, тем лучше, — добродушно отозвался Вадик, — а на диетах это у нас ты сидишь. Вот только мало помогает, да, Викочка? — призвал он Викторию в союзники.

— Надеюсь, что на сегодняшний день у вас это единствен-

ная проблема. Вадь, ты не ответил. Я спросила: хорошо вчера посидели?

— Класс! А ты чего звонила, приехать хотела?

— Письмо вот нашла, когда бумаги разбирала. Мама еще в феврале написала своей подруге.

Пока Виктория читала Вадику письмо, Светка поставила на стол тарелки с борщом.

— Так, быстро поедим, а потом будем звонить. Не то я умру от любопытства.

— Что бы я без тебя, Светик, делала, — первой закончила есть Виктория, — я уже забыла, когда последний раз варила борщ. Да и вообще, последнее время варю только кофе.

— Замуж тебя надо выдавать, — облизывая ложку, заметил Вадик, — вот чего вчера не пришла? С таким мужчиной тебя хотел познакомить!

— Вадик, отстань от Вики, не хочет она замуж. И потом, не забывай, что если она выйдет замуж, то нарожает детей, и тогда некому будет нашему Ленечке сказки читать. Да и поправиться она боится, как я.

Худенькая до замужества Светка набрала после родов лишний, как она считала, вес и старалась сбросить его, сидя на всяких диетах.

Убрав посуду, Светка принесла на кухню телефон.

— Звони!

Виктория подвинула ближе записную книжку и набрала номер.

— Але, я вас слушаю! — прозвучал женский голос.

— Ульяна Львовна? Это Вика Панина, вы меня помните?

Але, вы меня слышите?

— Да, конечно, слышу, просто ты так неожиданно позвонила, что-то случилось?

— Случилось!

Виктория торопливо рассказала о смерти матери и о последних событиях, не касаясь развода.

— Вообще-то я письмо нашла мамино. Она давно просила его отправить. Только я забыла...

Ульяна Львовна не дала ей договорить.

— погоди, не продолжай, я тебе сейчас перезвоню!

— Я от подруги звоню, — предупредила Виктория.

— Тогда продиктуй мне номер телефона.

Виктория продиктовала номер и, услышав короткие гудки в трубке, растерянно посмотрела на Светку.

— Свет, она сказала, что сейчас перезвонит. Наверное, деньги мои экономит.

— Или валерьянку пьет, — предположила Светка. — Покури, успеешь!

— Не успела!

Светка схватила трубку и сунула ей в руку.

— Квартира Федоровых, — ответила Виктория.

— Вика, расскажи, пожалуйста, подробнее, о каком письме ты говорила?

Виктория рассказала историю с письмом и зачитала его.

— В общем, мне что-то все это не очень понятно... Вы мне можете объяснить?

— Вика, деточка, объясню, конечно! Только не сейчас, — Ульяна Львовна на мгновение замолчала и продолжила: — Если я через полчаса перезвоню, ты еще будешь у своей подруги?

Виктория посмотрела на Светку, которая включила громкую связь и, затаив дыхание, слушала их разговор. Услышав вопрос, утвердительно закивала головой.

— Думаю, да. Звоните!

Положив трубку, она посмотрела на Светку.

— Свет, ты слышала, как она разволновалась?

— Вик, здесь определенно какая-то тайна!

— Тайна? Открой мне тайну! — подкрался к ним сзади Вадик.

— Вадик, напугал меня, Буратино несчастный! Свет, как ты с ним живешь?

— Хорошо она со мной живет, правда, Светик? — продолжал дурачиться Вадик.

— Вадь, ну подожди, — отмахнулась от него Светка, — пока Ульяна Львовна не сказала, что там за клятва. Обещала перезвонить.

— Правильно, она теперь полчаса будет вспоминать, о какой клятве в письме написано. Ты же сказала, что они в институте вместе учились, мало ли в чем поклялась? Может, поклялась никому о шпаргалках по математике не говорить!

— Ну, ты и сказал — шпаргалки! — засмеялась Светка.

— Ладно, девочки-мальчики, не будем гадать. Дайте мне, в конце концов, сигарету, если там еще что-то есть в пачке. Так я и знала — закончились. Вадик, угости своими — осквернюсь.

— Держи, принцесса! — не обиделся Вадик. — Слушай, а может, ты и правда принцесса, и...

— Принцесса на горошине или на бобах? — Виктория засмеялась. — Давай уточним.

Уточнить не успели — опять зазвонил телефон.

Виктория быстро взяла трубку.

— Да, это я. Говорите!

— Вика, я подумала, что нам с тобой нужно встретиться. Ты сможешь ко мне в Придонск на недельку приехать?

— Вообще-то у меня отпуск еще не закончился... А зачем?

— Не можешь одна — приезжайте с мужем. Дорогу я вам оплачу. Я не могу тебе все объяснить по телефону, но поверь — это очень важно!

— Хорошо, — неожиданно для себя согласилась она, — приеду. Адрес у вас тот же?

— Вика, деточка, адрес тот же! Но ты, когда возьмешь билет, позвони, я тебя встречу, договорились?

— Договорились, — Виктория положила трубку и посмотрела на притихших Светку с Вадиком.

— Свет, ты слышала? Вика собирается уезжать. А ты обе-

щала, что она будет нашему сынишке сказки читать! — Вадик сделал вид, что обиделся.

— Вик, и правда, куда это ты собралась?

— Не знаю, Светик, я никогда там не была!

— Она и про развод ваш ничего не знает?

— Откуда? Мы с ней не переписывались. Я не звонила. Вот такие дела, ребята, — Виктория посмотрела на часы. — Поеду на вокзал, куплю билет.

— Еще один вопрос — деньги нужны?

— Знакомая долг отдала. Хотела часть вам вернуть, но все равно мало, а на билет, я думаю, хватит.

— И когда ты собираешься ехать?

— Если получится, то завтра. А вы когда собираетесь за своим Леником-слоником?

— Бабушки-дедушки не отдадут нам нашего ребенка! — пожаловалась Светка.

— Не отдадут, конечно! Ты же напугала мою мамочку, что хочешь ее единственного внука в детский сад отдать, — вставил свое слово Вадик.

— Ты что, серьезно? На работу, что ли, собралась?

— Кто ее пустит? Вот мы скоро еще девочку родим! — подмигнул Светке Вадик.

— Действуйте, пока вам никто не мешает, — Виктория вышла в прихожую.

Светка вышла следом, стала возле дверей, молча наблюдая, как она завязывает шнурки на кроссовках.

— Вика, может, передумаешь?

— Нет, Светик, поеду я. Все равно до конца отпуска делать нечего. Все, ребята, спасибо, целуйте кошечку, поливайте фикус!

— Возьмешь билет — позвони, хорошо?

— Позвоню, — пообещала Виктория, — пока! — она обняла Светку. — Через неделю появлюсь, все расскажу!

Она не стала говорить Светке, что не дают ей покоя слова о неродном отце, брошенные Федякиным. И кто, как не подруга матери, может знать правду?

До вокзала Виктория добралась без приключений, но на завтрашний день билетов не было.

«Днем раньше, днем позже — какая разница? Хоть квартиру в порядок немного приведу, да и Ульяне Львовне позвоню, чтобы встретила, раз обещала», — подумала она, подавая деньги в билетную кассу.

На следующий день утром первым делом сходила на ближайший переговорный пункт. Сообщила Ульяне Львовне номер поезда и время прибытия. Потом прошлась по магазинам, вернулась домой и позвонила Светке.

— Отчитываюсь: еду завтра, полка нижняя, Ульяна Львовна в курсе, подробности в газетах!

— В каких газетах?

— Неужели читать будешь?

— Не можешь ты без своих шуточек! Она хоть обрадова-

лась?

— Вроде обрадовалась. Я так, из вежливости спросила, что ей привезти, и знаешь, что она попросила? Она попросила привезти старый альбом!

— Ничего тут странного не вижу. Тоска по молодости, по студенческим годам!

— Знаешь, сколько он весит?

— Вытащи фотки, в конце концов!

— Вытащишь, как же! Они канцелярским клеем приклеены.

— Ты уже и сумку собрала?

— Успею, еще не вечер!

— Соседке скажи, что уезжаешь!

После разговора со Светкой Виктория зашла к соседке, попросила, чтобы та приглядывала за квартирой и в случай чего сообщила хозяйке, то есть Светлане Федоровой. Продиктовала Светкин адрес и номер телефона.

Вещей набралось немного. Все уместилось в небольшую дорожную сумку, на самое дно которой Виктория уложила альбом. Остаток времени посвятила уборке, и лишь перед самым сном она решила найти на карте место, куда собралась ехать. Нашла и удивилась своей смелости. «Далековато, однако, я собралась, чтобы удовлетворить свое любопытство!» Удивилась, но не испугалась, хоть и вертелась в мыслях расхожая фраза о том, что любопытство кошку сгубило.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поезд, замедляя ход, приближался к станции.

Пассажиры суеились в проходе вагона, подтаскивали свой багаж ближе к выходу и одновременно пытались увидеть встречающих их родственников или знакомых. Наконец состав, дернувшись несколько раз, остановился. Было невыносимо душно. Жара усиливала специфический вагонный запах, и все с нетерпением ждали, когда проводник откроет дверь и разложит подножку.

— ...прибывает ко второй платформе, стоянка поезда три минуты, — донесся голос диктора.

Виктория медленно двигалась к выходу, цепляясь сумкой за все выступающие углы. Вот и долгожданный выход.

— А где же обещанная платформа? — глядя сверху, зада-ла она вопрос неизвестно кому, раздумывая, как бы половчее спрыгнуть с высокой подножки. — Спортсменка! — вслух похвалила сама себя, когда ей это удалось. А больше и похвалить было некому, поскольку из вагона она выходила последней, то толпа уже рассеялась. Обнимающихся на платформе, до которой Виктория, утопая по щиколотки в хрустящем гравии, все-таки дотащи-лась, почти не осталось.

«Что-то мной никто не интересуется, а пора бы уже!»

Остановилась и решила немного подождать, а заодно и отдохнуть.

— Виктория? — окликнула ее невысокая женщина в светлом, облегающем фигуру платье и в солнечных очках.

— Ульяна Львовна? — обрадовалась Виктория, подхва-

тывая сумку. — Наконец-то! Я уж было подумала, что придется самой добираться, — она подошла ближе и поняла, что ошиблась. — Ой, извините, я подумала...

— Ульяна Львовна не смогла приехать — заболела. А я ее подруга Дина Сергеевна, можно просто Дина.

Дина Сергеевна сдвинула наверх солнечные очки, подхватив ими, как ободком, короткие пушистые волосы каштанового цвета. Виктория отметила, что у Дины Сергеевны красивые серые глаза, длинные ресницы, приятный цвет губной помады. Отметила она и маникюр, и красивые плетеные босоножки на высоких каблуках.

А Дина Сергеевна, в свою очередь, определила, что девушка, приехавшая издалека, совершенно себя не любит. Отросшая стрижка, джинсы, футболка с непонятной надписью, кроссовки, и никакого макияжа. Последнее, по ее мнению, было просто недопустимым.

— Так что случилось с Ульяной Львовной?

— Сама толком не знаю. Врач «скорой помощи» сказал, что сердечный приступ. Не мудрено — жара такая все лето. Пойдем, здесь недалеко машина. Помочь сумку нести?

— Нет, не надо, не тяжело, — Виктория подхватила свою сумку. — Так Ульяна Львовна дома?

— В больнице.

Дина Сергеевна продолжала идти вперед. Виктория растерялась. «Конечно, я могу остаться на вокзале и вернуться домой — на обратную дорогу деньги есть. Но как-то неудоб-

но — человек заболел, может, помочь нужно. И потом, что ж я, зря ехала? Надо довести дело до конца, а то Светик не простит неразгаданной тайны».

Дина Сергеевна остановилась возле вишневой «восьмерки», достала из крошечной кожаной сумочки ключи и открыла багажник.

— Виктория, как вас по отчеству?

— Анатольевна, можно просто Вика. Сумку сюда? — кивнула она на раскрытый багажник.

— Если тяжело, подождите. Сейчас Валера придет, поможет. Валера — это хозяин авто и мой близкий друг. А вот и он, познакомьтесь!

— Валерий Михайлович, — назвался знакомый Дины Сергеевны, — можно просто Валерий.

Виктория поздоровалась, определив для себя, что Валерию где-то около пятидесяти. Если бы ее попросили составить словесный портрет Валерия, то она описала бы его как мужчину невысокого роста и ничем не примечательной внешности. Но обязательно добавила бы, что на запястье поблескивал браслет с дорогими часами. Да и одет Валерий, с ее точки зрения, был далеко не бедно.

— Приятно познакомиться, — произнес Валерий традиционную фразу. — Хорошо доехали?

— Хорошо, — подтвердила Виктория, посчитав, что именно так нужно ответить на такой вопрос.

На этом церемония знакомства была закончена. Валерий

любезно открыл перед Викторией заднюю дверь, а перед Диной Сергеевной — переднюю. Сам сел за руль и, ловко объезжая припаркованные машины, выехал с привокзальной площади.

— Как я поняла, от станции до Придонска километров сто?

— Правильно, — обернувшись, ответила Дина Сергеевна.
— Ну, это для нас пустяк, да, Валера?

Валерий кивнул в ответ и набрал скорость. В салоне сразу стало прохладней. О чем разговаривали сидящие впереди, Виктория не прислушивалась. Откинувшись на спинку сиденья, она пыталась через тонированные стекла рассмотреть и оценить красоту пейзажа.

— Через полчаса будем дома, — снова обернулась Дина Сергеевна.

— Хорошо, — согласилась Виктория и подумала: «Что — хорошо?» И еще подумала, что это Дина Сергеевна и Валера будут дома, а где будет она?

— Не беспокойтесь, Ульяна приготовила для вас комнату, — как будто прочитав ее мысли, оглянувшись, произнесла Дина Сергеевна. — Так что отдохнете, а после четырех поедem в больницу. Утром меня не пустили, может, вечером пустят.

— Ульяне Львовне так плохо?

— Врач сказал, что пока к ней нельзя, — уклончиво ответила Дина Сергеевна. — Ну вот, сейчас проедem плотину,

и считай, что мы уже в Придонске.

— Как красиво! Мама как-то обещала, что мы вместе приедем в гости, но не получилось. Вот и я неожиданно собралась, а тут такое...

Виктории показалось, что они проехали почти весь город. Когда, наконец, они въехали во двор и остановились у подъезда, вздохнула с облегчением.

— Приехали. Сейчас Валера поможет занести сумку, и мы его отпустим.

Они поднялись в лифте на пятый этаж, Дина Сергеевна открыла дверь. Валерий занес сумку в прихожую.

— Ставь пока сюда, в сторонку, потом мы разберемся, что к чему. А в больницу мы на такси съездим, — попрощавшись с Валерием, она закрыла за ним дверь, повернулась к Виктории и предложила: — Проходите в комнату налево.

Виктория прошла и присела на краешек дивана.

«Оробела, как школьница», — подумала она, поглядывая на свои грязные после дороги руки.

— Вика, — вернулась Дина Сергеевна в комнату, — вы, наверное, освежиться хотите после дороги? Вот здесь, в шкафу, — она открыла шкаф, — полотенце. Если нужно, халат, в общем, все в вашем распоряжении. Вы идите в ванную, а я пока приготовлю что-нибудь поесть. Потом уж посидим, поговорим. Вы согласны?

— Согласна, — ответила Виктория, подумав, что все изложено последовательно и разумно.

Приняв душ, она расчесала мокрые волосы и пришла на кухню, где хозяйничала Дина Сергеевна. Окинув взглядом стол, Виктория поняла, как проголодалась. Пока она принимала душ, Дина Сергеевна успела нарезать салат и разогреть котлеты.

— Освежились? Вот и прекрасно. Садитесь к столу. Вот еще картошечка. — Она достала из микроволновой печи и поставила на стол тарелку с дымящейся молодой картошкой, — укропчиком посыпать?

— Да, — только и могла сказать Виктория, проглотив слюну.

— Не стесняйтесь, Вика, ешьте. Я и сама ничего сегодня еще не ела с утра, а уже, — она посмотрела на часы, — почти два.

«Интересно, знает Дина Сергеевна что-нибудь, или нет? Может, ей подруга сказала, зачем меня пригласила?» — размышляла Виктория, орудуя вилкой.

— Вот и славненько. Поели, теперь можно отдохнуть.

— А покурить можно?

— Конечно можно, но на балконе. Кстати, предупреждаю: курить — вредно для здоровья.

Виктория и сама понимала, какой вред наносит курение здоровью. Но однажды она заметила, что совместное курение очень быстро сближает совершенно чужих людей. Все-таки какой-то общий интерес. Вот и сейчас — не успели они с Диной Сергеевной выкурить по сигаретке, как созрело обо-

юдное решение перейти на «ты». После чашечки кофе — подумаешь, жара — и еще одной сигаретки они прониклись взаимной симпатией.

— Жаль, но мне нужно отлучиться по делам, — засобиравшись Дина Сергеевна. — Впрочем, это ненадолго, а ты приляг, отдохни пока.

Перед уходом она оставила ключи и объяснила, в какую сторону открываются замки.

Виктория вернулась на кухню, решив для начала помыть посуду. Занятие это ей никогда не нравилось, но иногда помогало найти нужное решение очередной проблемы. А очередная проблема, как она поняла, у нее возникла. Приехала за тридцать земель, чтобы узнать о какой-то давней клятве, а пока ничего не ясно, и неизвестно, прояснится ли вообще.

— Кошка?! А почему ты молчишь? — Виктория присела на корточки перед бесшумно появившейся сиамской кошкой. Кошка, не мигая, без всяких эмоций смотрела на нее голубыми глазами.

— Вообще-то воспитанные кошки мурлычут в знак приветствия, — сделала она кошке замечание.

Кошка презрительно прищурилась в ответ и запрыгнула на стол.

— Нет, тебя точно никто не воспитывал, — Виктория столкнула ее со стола. Кошка гордо прошествовала на выход. Виктория отправилась за ней следом.

— Я не любопытная, но надо же посмотреть, как люди

живут, — оправдалась она скорее перед кошкой, чем перед собой.

«Как-то странно люди живут. Во-первых, непонятно, сколько человек здесь живет, во-вторых, непонятно, чья это квартира, — раздумывала она, разглядывая убранство комнат. — Вот, например, в ванной два женских халата, два банных полотенца, две зубные щетки. В прихожей две пары тапочек — женских — разного размера. И к чему в трехкомнатной квартире две спальни, опять-таки, женских? На прикроватных тумбочках — баночки-скляночки, а на кроватях — подушки сердечками. Везде полно мягких игрушек, которыми дети явно не играли. А третья комната, похоже, общая. Здесь традиционная мягкая мебель, журнальный столик, стенка с хрустальными вазочками, в общем, все как у людей».

На этом Виктория решила осмотр закончить и полежать на диване, пока не вернется Дина Сергеевна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Управившись с делами, Дина Сергеевна позвонила в больницу, пытаясь что-нибудь выяснить о состоянии подруги. Ничего нового врач не сказал, но пообещал, что, возможно, завтра переведет ее в общую палату, тогда уж и навещать можно будет. Возвращаясь, Дина Сергеевна раздумывала, что делать дальше.

Ульяна Львовна, конечно же, предупредила ее, что ждет в гости Викторию, напомнив, что Виктория — дочь ее подру-

ги. Намекнула, что приезд Виктории для нее очень важен. Почему — обещала рассказать потом. Дина Сергеевна случайно нашла в ежедневнике подружки число и номер поезда и встретила Викторию. А что делать дальше?

Дина Сергеевна зашла в подъезд своего дома. Лифт, как нарочно, не работал. Пришлось подниматься пешком. На лестнице она разминулась с незнакомым мужчиной, но разглядеть его не смогла, потому что после яркого солнечного света в темном подъезде, да еще в солнечных очках, трудно было что-нибудь увидеть. Но ей показалось, что мужчина спускался с их этажа.

Виктория сквозь сон слышала, как в дверь позвонили. Пока она пыталась сообразить, где находится, Дина Сергеевна уже открыла дверь своим ключом.

— Разбудила? Ничего, ночью выписься.

Виктория быстро поднялась с дивана.

— Пора?

— Не торопись, — остановила ее Дина Сергеевна, — отменяется больница. Сказали, что к Ульяне пока нельзя. Полежи еще немного, а я пойду, освежусь. — Она закрылась в ванной.

Виктория расстроилась. «Час от часу не легче. Что делать? Домой уехать? Неудобно как-то, не повидавшись. Сколько Ульяна Львовна пробудет в больнице? Ладно, подожду. Отпуск пока не закончился. У меня есть еще целая неделя».

Выйдя из ванной в легком халате, Дина Сергеевна позвала Викторию на кухню пить чай.

— Может быть, у тебя какое-то срочное дело есть? — спросила она, расставляя чашки. — Мне Ульяна ничего толком не сказала. Сказала только, что ты должна приехать. Радостная такая была. Взялась уборку в квартире делать. После обеда в магазин пошла, а потом мне из больницы позвонили...

— Я почему-то думала, что Ульяне Львовне дома плохо стало.

— Нет, я же говорю, что она после обеда в магазин пошла, купить кое-что из продуктов. А вечером мне позвонили из больницы, — снова повторила Дина Сергеевна, — сказали, что номер телефона по адресу нашли. Я даже не знаю, кто «скорую» вызывал. Хорошо, что паспорт был в сумочке. Сумочку мне отдали. Только не могу понять, куда ее ключи делись. Кошелек в сумочке, а ключей нет. Санитарка клянется, что ничего не брала. Надо будет у Ульяны спросить.

— А вы здесь вдвоем живете?

— Жили вдвоем. Сейчас расскажу. Допивай чай, да пойдем на балкон, покурим. Спешить нам сегодня некуда, если только у тебя нет других дел.

— До пятницы я совершенно свободна!

— Тогда пошли, — засмеялась Дина Сергеевна.

Они переместились на балкон.

— Устраивайся поудобнее.

На балконе стояли два стареньких кресла, а между ними маленький столик. Еще днем, когда они вышли курить, Виктория заметила, что на балконе не было обычной свалки. Не стояли пустые банки, не висела старая одежда, не было даже бельевых веревок. И сейчас, опускаясь в кресло, она вспомнила заваленный бархлам балкончик Светкиной старой квартиры. Вспомнила и решила, что по приезду домой первым делом приведет его в порядок.

— Давай сначала я тебе кое-что расскажу о нашей жизни,

— Дина Сергеевна протянула госте зажигалку.

Виктория закурила и, разглядывая, покрутила зажигалку:

— Какая классная зажигалка, никогда таких не видела!

— Это мне Валера футляр подарил, серебряный. На заказ изготавливали, — объяснила Дина Сергеевна. — Ты, конечно, догадалась, что Валера — мужчина женатый? И подумала, что он мой любовник? Скажу тебе сразу, чтобы не было недоразумений, мы с ним просто друзья. Сейчас, конечно, мало кто верит в дружбу между мужчиной и женщиной, но это уже их проблемы. Он предлагал мне руку и сердце, но я отказалась.

— Правильно, наверное, —插入了 Виктория, вспомнив свой недавний развод.

— Я отказалась, потому что не могу я... Ну, короче, женат он, и все. Не хочу быть стервой.

Виктория пожала плечами, не зная, что сказать.

— Да что я к тебе пристала? На чем мы остановились?

— Что вы жили здесь вдвоем.

— Жили, а неделю назад я переехала, но некоторые мои вещи пока еще здесь. Чтобы было ясно, почему так получилось, вернусь немного в прошлое. Мы с Ульяной родились в одном городке, и жили через дом друг от друга. Она старше меня на семь лет, и в детстве мы не дружили. Я еще в школе училась, а Ульяна уже поступила в институт. Потом уехала работать по направлению, а когда она вернулась к своим бабушке и дедушке, меня уже в городе не было — я уехала.

— А родители Ульяны Львовны?

— По ее рассказам, мать во время войны работала в госпитале медсестрой. Там она ее родила и привезла своим родителями. Привезла и вернулась в госпиталь. Сначала от нее приходили письма, а потом вроде пропала без вести. Об отце Ульяна ничего не знает. Так бабушка с дедушкой ее и вырастили, и выучили. Это уже после их смерти она с мужем и сыном сюда переехала. Здесь мы с ней случайно встретились.

— Когда Ульяна Львовна последний раз приезжала к нам, она говорила, что муж уехал за границу работать, и сын Костя к нему собирается. Мама еще посочувствовала, что ей одной придется жить.

— Так и есть, Костя уехал весной, а до этого жил в Питере, — продолжила Дина Сергеевна. — Мы с ней и встретились как раз, когда она одна осталась. У меня к тому времени ситуация сложилась похожая. Только Ульянин муж за границу уехал, а мой к другой женщине ушел, — она вынула из пач-

ки еще сигарету. — Не смотри на меня так удивленно! Я и сама знаю, что его нынешняя жена ничуть не лучше меня. Просто есть такое выражение, что в чужую бабу черт меду наложил. Вот мужики порой и изнывают по чужим бабам, извини, женщинам. Сын наш, Олег, сейчас в Москве живет. Армию отслужил, вернулся, а его девочка за другого замуж вышла. Так он до сих пор не женится — все первую любовь не может забыть. Молодой еще, но внуков мне уже хочется понянчить, — Дина Сергеевна снова закурила.

— Ты хотела рассказать, как с Ульяной Львовной встрети-
лась, — напомнила Виктория.

— Случайно, на почте. Сначала она меня не узнала, удивилась, когда я по имени ее назвала. Потом стали друг друга навещать. Сидели как-то, рассуждали о жизни. Она одна, и я — одна. Ульяна тогда на рынке реализатором стояла, а я в киоске по сменам работала, мелочь всякую продавала, тоже не свое. И все потому, что когда перестройка началась, стали наши профессии временно невостребованными. И наши профессии, и наш возраст. На работу стали приглашать молодых, но со стажем работы. Надоело нам друг другу жаловаться, и начали выяснять: почему мы, две умные, образованные женщины прозябаем в нищете? Подумали и решили заняться своим бизнесом. А деньги? Где взять деньги? Вот и придумали — сдать мою квартиру на год с предоплатой. Не удивляйся. Просто моя квартира в центре города и на первом этаже. Это раньше считалось, что первый этаж — это плохо.

Нет, первый этаж на окраине — это и сейчас плохо. Просто великолепно сочетание — центр города, центральная улица, первый этаж. Вот так у нас появились деньги на свой товар. Жить стали вместе в ее квартире. Пять лет мою квартиру сдавали, а потом я ее продала и купила другую. Сейчас там ремонт делаю. Одна комната полностью готова. Вот с прошлой недели я в своей квартире живу.

Рассказав всю эту историю на одном дыхании, Дина Сергеевна на некоторое время замолчала.

— А что за товар у вас?

— Мы ведь, женщины слабые, больные, чтобы сумок тяжелых не таскать, решили привозить бижутерию, часы и прочую мелочь. У нас у самих теперь реализатор. Так мы с Ульяной пять лет уже трудимся. За товаром по очереди ездим. Чаще я, конечно, чтобы с сыном повидаться. Вот нужно было сегодня ехать, да видишь, какая история приключилась...

— Костя знает?

— Я утром позвонила ему, сказала, что мать в больнице. Он расстроился, конечно. Но сказал, что выехать так быстро не может.

Дина Сергеевна поднялась и раздвинула шторы.

— Смотри, уже стемнело, засиделись мы с тобой. Надо было хоть выйти, погулять, город посмотреть. У нас красивый город. Когда проезжали, ты обратила внимание, что на газонах всюду розы цветут?

— Если честно, то мне через тонированные стекла плохо

было видно.

— Точно, нас же Валера привез. Надо, кстати, ему позвонить, сказать, что меня не пустили в палату. Может, у него знакомые есть среди врачей. Пойдем.

Дина Сергеевна подошла к телефону и сняла трубку.

— Странно, но телефон не работает.

— Пока я здесь — ни разу не звонил, — заметила Виктория.

— Ладно, утром выясним. Давай поужинаем и Мурку покормим. Она у нас рыбку ест да печеночку, правда, Мурка?

— Дина Сергеевна открыла дверцу холодильника.

Кошка молча согласилась и с готовностью села возле своей мисочки, ожидая угощение.

— Надо было мне в магазин сходить, купить что-нибудь...

— Успокойся, здесь пока не пусто.

Виктория вспомнила свой холодильник с двумя пирожными на тарелочке и решила, что приедет и непременно начнет новую жизнь.

— Пока я ужин разогрею, Расскажи о себе немного.

— Не знаю, с чего и начать. То, что родители мои в детском доме выросли, ты знаешь. В мае прошлого года папа погиб, а в марте этого года мама умерла.

— Об отце я знаю, Уля рассказывала, а с матерью что случилось?

— Инсульт. Первый раз сразу после папиных похорон, второй раз в конце февраля, а последний — в конце марта.

— Значит, вы с мужем вдвоем живете. Родни же у тебя никакой нет?

— Родни — никакой, да и мужа нет — развелись мы, — призналась Виктория. — Не сошлись характерами, — добавила она.

Дина Сергеевна сочла такое объяснение вполне приемлемым и вопросов задавать не стала.

— Родни у меня нет, — повторила Виктория, — но у меня есть Светик — она мне как сестра. Если немного о себе, то тогда все.

— Действительно, немного! — засмеялась Дина Сергеевна. — Двигайся к столу. Ты Светику позвонила?

— Сообщение отправила на мобильник. Кстати, надо зарядить его.

— Заряжай, розеток полно. Когда, говоришь, тебе на работу — первого сентября?

— Да, в сентябре начинаются занятия.

— Получается, что у тебя еще неделя отпуска?

— Получается, что так, — согласилась Виктория, не понимая, куда она клонит.

— У меня тут идея одна появилась — не съездить ли тебе в Москву за товаром? — Дина Сергеевна посмотрела на нее, ожидая ответа.

Виктория хмыкнула.

— А идея точно — одна?

— Вика, кроме шуток, вместо меня, а? Автобусом туда и

обратно! Всего три дня! Ну как, согласна?

— Это же не просто прокатиться туда и обратно, что-то делать нужно?

— Нужно привезти товар. Не бесплатно, конечно. Мы с Ульяной решили открыть еще отдел. Попробуем продавать сотовые телефоны. Это мой Олег посоветовал. Я ему прошлый раз оставила деньги на первую партию. Он и коробку с товаром тебе к автобусу подвезет! Подожди, я сейчас покажу тебе фото Олега, чтобы ты его узнала.

— Главное, чтобы твой Олег меня ни с кем не перепутал. Он же будет мне товар отдавать!

Дина Сергеевна принесла фотографию.

— Вот, — с гордостью сказала она, — это мой Олежка. Я его недавно фотографировала.

Виктория внимательно посмотрела на фотографию, пытаюсь запомнить черты лица.

— Ростом Олежка немного выше тебя, ни худой, ни толстый, похож на меня.

— Если похож на тебя, то сразу узнаю.

Дина Сергеевна улыбнулась.

— Я позвоню ему и все объясню. У тебя даже время останется по Москве погулять. Ну так что?

— А что? Я же согласилась уже. У меня в Москве подруга живет, когда-то учились вместе. Позвоню, если свободна будет, то, может, и встретимся. Только, — замялась Виктория, — мой дорожный костюм после поезда не ахти как выглядит.

— Это не проблема, — Дина Сергеевна кивнула головой в сторону стиральной машины, которая находилась здесь же, в кухне между мойкой и тумбочкой, — сейчас зарядим. Неси, что нужно постирать. Не будем терять время.

Сказано — сделано, пошел процесс стирки.

Виктория столкнула с табурета кошку и села возле стиральной машины.

— Напрасно садишься — дело к ночи, а тебе рано вставать. Постелю тебе на диване. Ты автобус хорошо переносишь? — прокричала Дина Сергеевна уже из комнаты.

«Вопрос, конечно, интересный, но задан поздновато».

— Великолепно! — крикнула в ответ, продолжая наблюдать за стиркой.

Мокрое белье тяжело шлепалось то в одну, то в другую сторону, то бешено вертелось, то замирало, подчиняясь только одной, машине известной, программе. Наконец, решив, что дорожный костюм гостыи стал достаточно чистым, машина начала процесс полоскания. Глядя на грязную воду, льющуюся из шланга, Виктория подумала, что неплохо было бы вот так пройти процесс очищения, о чем и поведала своей новой знакомой.

Дина Сергеевна рассмеялась.

— Девочка моя! В твои-то годы об этом думать? Не процесс очищения тебе надо устроить, а хорошую головомойку! Ладно, приедешь из Москвы — разберемся, что к чему! Иди спать. Я повешу сушить твой костюм и все приготовлю к по-

ездке. А ты не забудь загадать — на новом месте приснишь жених невесте. Все, спокойной ночи!

Виктория поднялась, чтобы уйти из кухни, Но села опять.
— Что еще?

— Дина, а как ты узнала, что муж тебе изменяет?

— Как и любая обманутая жена, совершенно случайно. Мы в начале мая поехали вдвоем на дачу. Потом он вспомнил о каком-то срочном задании, которое ему шеф поручил, и уехал. Вечером приехал, забрал меня, отвез домой, а сам отправился в гараж — машину ставить. Я после ванны зашла в спальню, где у меня на тумбочке баночки со всякими кремами стояли. И показалось мне, что кто-то мою косметику трогал. Ну, показалось и показалось. Выхожу утром мусор выносить и встречаю возле лифта соседку. А у нее лицо, как у индейца, — в боевой раскраске, и ладони черные. И тут я вспоминаю, что у моего мужа на спине точно такие темные полосы.

— Ну и что? — спросила Виктория.

— Не поняла? У меня в одной из баночек был крем — автозагар.

— Что она, читать не умеет?

— Дело в том, что мы с одной знакомой на двоих тубик купили. Ей в родной упаковке остался, а мне в баночку из-под увлажняющего крема выдавили. В общем, провела я следствие. Они ничего и не отрицали, видимо, уже договорились обо всем.

— Представляю твоё состояние!

— Ты лучше представь, как она выглядела! — Дина Сергеевна весело рассмеялась. — Не переживай, я повернула дело так, как будто нарочно этот крем ей подсунула, чтобы доказательство неопровержимое получить. Короче, изобразила и следователя, и прокурора. Ладно, если вопросов больше нет — иди спать.

— Спокойной ночи...

Дина Сергеевна проводила её взглядом, подумав, что ничего толком не знает о Виктории, а отправляет за товаром. Она посмотрела на часы — почти одиннадцать. С досадой вспомнила, что не работает телефон, но решила, что разок можно и от соседей позвонить.

Проходя через прихожую, на всякий случай сняла трубку — телефон работал. Не находя в этом ничего странного, позвонила Олегу на домашний и обрадовалась, что он сразу ответил.

— Мам, — удивился Олег, — ты ещё дома? Ты же должна быть уже на полпути к столице!

— У нас здесь случилось кое-что, — Дина Сергеевна рассказала сыну о том, что Ульяна Львовна попала в больницу, что она сама поехать не может.

— Её племянница приедет вместо меня.

— А как я её узнаю?

— Объясняю подробно. Девушку зовут Виктория, фамилия — Панина. Волосы светлые — она их заколкой закалы-

вает. Черты лица — приятные. Ростом немного ниже тебя. Достаточно стройная...

— Мам, ну что ты мне антропологические данные описываешь? Ты лучше скажи — она хорошенькая?

— Хорошенькая или нет, сам увидишь. Когда встретишь — позвони, хорошо? Шутник, — улыбнулась она и положила трубку.

Кошка, до этого сидевшая рядом, побежала к дверям.

— Ты, что, Мурка? — Дина Сергеевна посмотрела в дверной глазок. — Никого там нет.

Но Дине Сергеевне и самой показалось, что за дверью кто-то ходит. На всякий случай она задвинула задвижку. На душе опять стало тревожно. Она решила, что нужно непременно сменить замок.

Стараясь не разбудить Викторию, прошла в спальню, размышляя о том, что, может быть, напрасно придумала эту поездку, что могла бы сама потом съездить.

Виктория, засыпая, думала приблизительно так же. «Как-то странно быстро я согласилась приехать сюда. Ульяна Львовна в больницу попала... неизвестно, когда выпишут... а Дина не знает, что со мной делать. Придумала эту поездку, а я как-то быстро согласилась, а что делать?.. Ладно, съезжу, а там, может, и Ульяне Львовне лучше станет...»

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Вика! Просыпайся! Рассказывай, приснился жених?

Виктория, не открывая глаз, улыбнулась, подумав, что жи-

вой человеческий голос гораздо приятнее любого будильника.

— Так как насчет жениха?

— Обещал присниться в следующий раз.

— В следующий так в следующий! Иди умывайся, одевайся. Вот твои джинсы, рубашка, жилет. Может, тебе ветровку дать?

— У меня есть в сумке.

После недолгих сборов, завтрака, напутственных слов Дина Сергеевна вызвала такси. Возле автобуса уже собралась толпа отъезжающих и провожающих.

— От нас до Москвы прямого поезда нет, поэтому кто в силах такую дорогу перенести — все-таки около восемнадцати часов — стараются уехать на автобусе. За товаром постоянно ездим, опять-таки, на автобусе. Довозят прямо до рынка, ждут нас. Мы с Ульяной по вторникам ездим. У нас свой коллектив. Жаль, что сегодня, — она оглядела толпу, — никого из знакомых не вижу. Хотя, погоди, вижу, — она помахала рукой. — Наташа!

На ее зов оглянулась молодая полная женщина среднего роста, в велосипедках сиреневого цвета и в такого же цвета футболке. Увидев Дину Сергеевну, она подошла к ней и поздоровалась.

— Наташа, ты одна едешь?

— Как можно, Дина Сергеевна?! Конечно, с Лехой, куда я без него!

— Я уж думала, что все наши вчера уехали.

— Да мы сначала не собирались, а потом прикинули, что надо ехать, к первому сентября товар привезти. А вы что-то не по-дорожному одеты. Провожаете кого-то?

— Племянница Ульяны Львовны вместо меня поедет. Ульяна заболела. Пока я за ней поухаживаю, а Виктория съездит. Кстати, познакомьтесь!

Женщины кивнули друг другу.

— А вот и твой Алексей! Алексей, познакомься с Викторией! Она поедет вместо меня. Водителя я уже предупредила.

— Алексей, можно просто Леша!

— Или — Леха, — уточнила Наташа.

— Если я — Леха, тогда ты не Наташа, а Наталья!

Виктория подумала, что эти двое отлично дополняют друг друга. Наталья в сиреневых велосипедках, футболке, и Леха — в длинных шортах и майке, с кошельком на том месте, где бывает талия. И оба в шлепанцах на босу ногу.

— Ну, если мы обо всем договорились, то я пойду. Вон уже Валера за мной приехал.

Еще вчера она пожаловалась Валерию по поводу пропавших ключей. Валерий посоветовал поменять замки, чтобы не думалось. Именно это они и собирались сделать.

Подходя к машине, Дина Сергеевна, обратила внимание на иномарку белого цвета.

— Валер, или мне кажется, или этот «форд-фокус» я сегодня видела в нашем дворе. Пойду посмотрю номер.

При ее приближении водитель иномарки поднял тонированное стекло.

Дина Сергеевна прошла мимо, потом вернулась к машине.

— Ты видел?

— Скорее всего, это просто совпадение. Садись в машину — поехали!

Водитель белого форда проводил взглядом отъехавшую машину и переключил свое внимание на автобус. Его интересовала девушка, с которой только что разговаривала знакомая Ульяны Львовны. Он подумал, что вовремя появился в Придонске. Опоздай он даже на один день, и исправить ситуацию было бы гораздо сложнее. И разговор телефонный он подслушал вовремя. Подслушал и обрадовался такому удачному совпадению. Он еще раз посмотрел на девушку, запоминая, во что она одета. Имя девушки и то, как она выглядит, запомнил из подслушанного разговора. Хорошо, что ключи от квартиры не понадобились. Мужчина достал сотовый телефон, коротко поговорил и удалил номер из памяти. Перед тем как тронуться с места, немного посидел, подумал. А подумать ему было о чем. Его невидимый собеседник по прозвищу Артист согласился выполнить еще один заказ, но запросил больше — догадался, что дело не терпит отлагательства. Пришлось согласиться. Нужно было отвезти

ему деньги, а по дороге обдумать еще раз, все ли сделано правильно.

Отъезжающие потянулись в автобус — занимать места.

— Нам тоже пора. А то желающих слишком много, — Наталья первой поднялась в автобус и протиснулась мимо стоящих в проходе.

— Всегда так? — Виктория постаралась совершить аналогичный маневр, что ей и удалось.

— Перед началом учебного года — всегда. Кто за товаром, кто на учебу, кто из отпуска возвращается.

— Все лето народ мигрирует, — заметил Леха.

— Что тут удивительного? У нас — почти юг! А вы, Виктория, похоже, к нам с севера?

— Если вы по поводу моего ослепительного загара, то — да.

Виктория обрадовалась, что новые знакомые сели впереди, и ей не придется оборачиваться, чтобы отвечать на их вопросы. Но опасалась она напрасно. Как только автобус выехал за черту города, Наталья, склонив голову на Лехино плечо, уснула. Виктория осталась наедине со своими думами. Впрочем, думать уже было поздно. Если, уезжая на встречу с Ульяной Львовной, она сомневалась и переживала, правильно ли она делает, то теперь, когда все покатилося как снежный ком, в душе у нее воцарилось спокойствие.

«Давно я никуда не ездила, да еще на автобусе, да еще и

по делу — в столицу за товаром, — она сдвинула в сторону шелковую шторку. — Что там у нас с пейзажем?»

Отметив, что особых красот в мелькающих за окном видах не наблюдается, переключила свое внимание на пассажиров автобуса. В основном это были так называемые челноки.

«Как же им все это, должно быть, надоело! Товар, автобус, дороги, рынки. Каждую неделю, каждый день. Месяц за месяцем. Привычка, что ли? Я все время на дорогу поглядываю, а все дремлют — время не теряют».

Через три часа автобус остановился. Наталья тут же проснулась, повернулась и, протирая заспанные глаза, предложила выйти.

— Пойдем, прогуляемся. Если есть хочется, то лучше взять что-нибудь свое, а то в ларьках только чипсы да кириешки.

— Нет, есть пока не хочу, пойдем гулять.

— Туалета здесь нет, — предупредила Наталья, — нужно идти в лесок.

— Смотрите там, поосторожнее. Цивилизации здесь нет, а плоды ее сплошь и рядом! — крикнул им вслед Леха.

— Не обращай на него внимания! Ничего, что на «ты»?

— Ничего, — ответила Виктория, подумав, что совместные поиски туалета сближают не менее, чем совместное курение. «Так почему бы не перейти на «ты»?

Леха оказался прав. Приходилось контролировать каж-

дый шаг.

— Дальше по трассе кое-где стоят домишки, — успокоила ее Наталья.

Через двадцать минут, как и было объявлено, поехали дальше. После остановки в салоне стало оживленней. На заднее сиденье переместилась группа из четырех человек с позвякивающими пакетами.

— Процесс пошел, — прокомментировал Леха, — давайте и мы что-нибудь съедим и выпьем!

— Если будешь пить — назад полетишь на ковре-самолете! — предупредила его Наталья и, повернувшись к Виктории, объяснила: — Он ковры на продажу возит.

— И что, ковры покупают?

— У него покупают. Мы же по деревням разъезжаем. Слышала бы ты, как он их рекламирует. Если подходят пожилые, он начинает убеждать, что ковер — это лучший подарок внукам на свадьбу. Дескать, деньги потратят, а ковер — это вещь! Молодым советует использовать вместо кровати. Его послушаешь — цирк! Что там тебе жена сегодня положила? — резко сменив тему разговора, Наталья полезла в пакет своего попутчика.

— Наташ, ты шокируешь девушку своим поведением!

— Ты хочешь сказать, девушка, то есть Виктория, подумала, что я — твоя жена? Ты в зеркало когда последний раз смотрелся?

— Раз я такой негожий, что ж ты меня любишь?

— Сам не догадываешься? Любовь зла!

Компания на заднем сиденье, приняв изрядный допинг, разбрелась по своим местам. Остальные пассажиры тоже притихли. Автобус набрал приличную скорость. Виктория дожевала свой бутерброд, запила минеральной водой и, убрав пакет с продуктами в сумку, откинулась на спинку сиденья. Глаза начали сами собой смыкаться. На какое-то мгновение она даже уснула, как вдруг — резкое торможение, удар. Автобус резко ушел вправо на обочину, потом за обочину и остановился почти перпендикулярно дороге. Наконец, медленно осел под своей тяжестью, утопая передней и задней частью в рыхлой почве. Переднее стекло лопнуло, брызнув во все стороны осколками.

В салоне сначала наступила тишина, а потом раздались крики, ругательства, и все заторопилось к выходу. Но ни задняя, ни передняя двери не открылись. Потирая ушибленные руки, ноги и остальные части тела, стали выбираться наружу через разбитое лобовое стекло. Дошла очередь и до Лехи. Он перелез через приборную доску и протянул руку Наталье. Потом помог выбраться Виктории.

— Мудрена мать, как же его... угораздило?

А угораздило его, как оказалось, очень просто. Резко затормозил впереди идущий старенький «ЛАЗ», высаживая пассажиров. Объехать его было невозможно — шла встречная. Вот и получил «ЛАЗ» в задок, а икарус слетел с дороги,

странно, что не перевернулся.

Когда первая волна эмоций схлынула, стали думать: что делать дальше? То, что автобус быстро отремонтировать невозможно, — это было ясно всем. Кто-то уже забрал вещи и ловил попутные машины. Кто-то пытался звонить по мобильнику.

Рыночные собрались отдельной группой и решили дожждаться, когда фирма пришлет за ними автобус, который все-таки отвезет их в Москву. Старшая по группе, Алена, отправилась в ближайшую деревню решать эти вопросы, а остальные, забрав свои вещи из автобуса, принялись ждать.

— Леш, может мы тоже как-нибудь уедем?

— Сиди! Подождем, пока Алена вернется.

Виктория тоже решила ждать. Ее положение усложнялось тем, что именно к этому автобусу должен привезти товар сын Дины Сергеевны.

Часа через два на газели вернулась Алена и обнадежила всех, что фирма обещала выслать за ними другой автобус. А пока предложила проехать в деревню Новопетровку, чтобы не сидеть здесь на обочине.

Виктория насчитала вместе с собой двенадцать человек оставшихся и подумала, что из-за тринадцати, вместе с Аленой, человек, вряд ли кто-то будет суетиться. И еще подумала, что число тринадцать не пользуется успехом у народа, когда затеваются серьезные дела.

Проехав километров десять по асфальту, газель запылила

по ухабистой проселочной дороге, въехала в деревню, названия которой Виктория не успела прочитать. Проехав полдеревни, остановились возле длинного строения.

— Не иначе как сельский клуб! — из газели со смехом вывалилась четверка, до аварии «отдыхавшая» на заднем сиденье автобуса.

— Здесь точно есть самогоночка!

— А к ней и сало!

— Чему народ радуется? Непонятно, — хмуро заметил Леха.

— Смотри, вон, в киоске, наверное, и пиво есть! — продолжались шутки.

Рядом с клубом лежали бревна, на которых все и начали располагаться.

Леха направился к Алене, чтобы уточнить, когда все-таки обещали выслать за ними другой автобус.

— Думаю, уже в пути, — прозвучал обнадеживающий ответ.

— Сомневаюсь я что-то, — пробормотал Леха. Он начал вслух подсчитывать, когда приблизительно придет автобус, когда автобус будет в Москве и успеет ли он, Леха, отовариться. По его подсчетам, получилось, что успеет. Он успокоился и предложил Наталье и Виктории прогуляться по деревне.

— Наташ, у нас целых пять часов! Пошли, погуляем!

— А вещи?

— Оставим возле молодежи.

— А деньги? — прошипела Наталья ему в лицо. — С деньгами собрался гулять по деревне? Тут каждый дурак знает, что мы за товаром с деньгами едем!

— Оглянись, где ты видишь хоть одного дурака?! Сегодня рабочий день, и весь народ в поле!

— Одного дурака я вижу точно! Оглянись-ка лучше ты! Какой рабочий день? Какое поле? Половина домов заколоченные стоят!

Виктория молча слушала их перебранку.

Вокруг действительно никого не было. Только поодаль сидела худющая собака и с надеждой смотрела на людей жалкими, слезящимися глазами. Зрелище было невыносимым. Виктория порылась в пакете с едой, нашла бутерброды с колбасой, отошла в сторонку от всех, посвистела тихонько и протянула собаке.

— Иди сюда! На, поешь!

Собака только жалобно заскулила в ответ.

— Боишься? Я отойду, — Виктория положила еду на землю и отошла подальше.

Собака, хромая, приблизилась к еде и принялась жадно хватать куски, кося глазами на людей, готовая при первом намеке на опасность убежать.

— Она еще и кормящая, — заметила Наталья, наблюдавшая за действиями Виктории. — У нас там тоже куски остались, надо отдать.

— Так что будем делать, девочки?

— Я могу здесь посидеть, возле клуба, а вы погуляйте. Только номер телефона оставьте, чтобы я позвонила, когда автобус придет, — предложила Виктория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.